

Захват Неаполя. Скала Роз

*Cy commencent les croniques que
fist maistre Jehan froysart qui pu
sent des nouvelles merces de france*

*fin que homonna
bles auemies et
nobles auentures
fuites deoimes
lesquelles sont
mies mo
res de france et de*

*Angleterre de scoce de spaigne et de be
migne lesquelles sont diu fees en m
parties. Prologue*

*les preux ayent exemple deulz en coura
tgieo en bien faisant ie dueil traittieo
et recorder histoire et matiere de quant
louange laquelle sera deuise en m. par
tes mes ans que ie la commance ie
qui de neant cora toutes choses que il*

Бушмин Виктор

Виктор Бушмин
Захват Неаполя. Скала Роз

«Автор»

2023

Бушмин В. В.

Захват Неаполя. Скала Роз / В. В. Бушмин — «Автор», 2023

Волна непрекращающихся кровавых феодальных войн захлестнула Европу с головой. Мир рушится на глазах. Остатки религиозных фанатиков пытаются спасти Святой Грааль и сокровища катаров в тот самый момент, когда Франция решила покорить Неаполь.

© Бушмин В. В., 2023

© Автор, 2023

Виктор Бушмин

Захват Неаполя. Скала Роз

Вступление:

Все события, о которых рассказывается в данной книге, в действительности происходили на Юге Франции, на территории северной Италии и Неаполя. Герои книги, как и большинство персонажей, являются историческими персонажами. Они жили, любили, сражались, молились и ненавидели, ничем не отличались от остальных. Эти рыцари, графы, короли или монахи, пожалуй, и от нас ничем не отличаются, правда, менее образованы, экзальтированы и более набожны, чем мы, живущие спустя почти девятьсот лет.

Римские первосвященники, утомленные и измотанные борьбой с германскими императорами из династии Гогенштауфенов, поняв, наконец, что у них одних не хватит сил и средств для продолжения этой вековой вражды, обращают свой взор к Франции, где правит набожный, но решительный и жестокий король Людовик Девятый, позднее прозванный «Святым».

Часть первая:

«Скала Роз»

Глава I

Три разговора, из которых два состоялись во Франции, а один в Неаполе.

Дорога между Руаном и Парижем. Франция. 25 октября 1264г.

Кардинал Ги де Фуко, увенчанный кардинальской шапкой по воле папы Урбана IV, возвращался из Англии, когда его нагнали конные гонцы в сопровождении внушительного эскорта вооруженных всадников, у которых на флагах, щитах и сюркотах красовались золотые ключи Святого Петра – символ принадлежности к римской курии.

– Ваше высокопреосвященство, – долговязый гонец, похожий больше на наемника, нежели на гонца католической церкви, спрыгнул с коня и преклонил колено перед лошадью кардинала, – страшное горе постигло нас всех! Его святейшество папа Урбан почил в Бозе... – Ги де Фуко вздрогнул, почувствовав, как по его коже, скрытой меховыми одеждами, пробежали мурашки испуга, который можно было перепутать с ознобом. Он перекрестился и пристально посмотрел в лицо гонцу. Долговязый и широкоплечий итальянец, лицо которого пересекал чудовищный и уродливый шрам, делавший его похожим на страшную маску смерти, вздохнул и повторил. – Папа Урбан скончался. Курия приказала мне как можно скорее известить вас, ваше высокопреосвященство, и сопроводить вас под нашей охраной в Перуджу, где будет заседать *Конклав!*..

– Отчего же в Перуджу? – Наигранно удивился Ги, рассматривая своего собеседника. – Насколько мне известно, папу сподручнее избирать в Риме, подле собора Святого Петра...

– Ваше высокопреосвященство! – Гонец вспыхнул, его щеки зашлись неровными багровыми пятнами. – Перуджа, пожалуй, единственное спокойное место во всей Италии, оскверненной потомками и последователями *Фридриха-Антихриста!*..

– Но, мой друг, простите, что не знаю вашего имени, мы сейчас на земле благословенного королевства франков, а король Людовик, насколько мне известно, чтит и защищает священнослужителей. – Он прищурился и снова посмотрел на гонца. – Так, значит, как вас зовут-величают?..

– Гонфалоньер гвардейской роты пикинеров его святейшества папы Римского Гвидо де Спинелли, к вашим услугам... – гонец поклонился.

Ги незаметно улыбнулся, отметив для себя, что еще не научился отличать мирян от вояк и наемников. Он стянул меховую перчатку и протянул рыцарю длинную белую ладонь для целования:

– Да благословит Вас Господь и Дева Мария. – Гвидо прикоснулся губами к руке кардинала. – Храни вас Господь и его святое воинство, благородный де Спинелли. – Епископ начертал в воздухе крестное знамение, благословляя рыцаря и его эскорт. – Можете отправляться в Перуджу и известить конклав, что я прибуду следом за вами. – Рыцарь попытался возразить, ссылаясь на приказ, но епископ жестом прервал его тираду и добавил. – Сейчас мы на земле Франции, а я, да будет вам известно, франк по крови! Мне здесь ничто не угрожает... – Кардинал повернулся к двум своим спутникам, посмотрел на них и, улыбнувшись, добавил. – Нам надо помолиться в Нотр-Дам-де-Пари...

Гвидо подавил недовольную мину на своем лице, разгладил складки на лбу и молча поклонился. Годы службы в Ватикане научили его, пожалуй, самому главному во всей жизни – умению молчать и слушать, не вступая в излишние словесные перепалки, чреватые, прежде всего, для его выдубленной шкуры и головы куда более суровыми наказаниями, нежели раны, полученные им в сражениях.

– Да будет так, ваше высокопреосвященство. – Ответил он, еще раз прикоснулся губами к руке кардинала, резко развернулся и жестом приказал своим воинам разворачивать коней.

Ги де Фуко молча посмотрел вслед удалявшейся группы воинов, подумав о том, что может быть, было бы куда разумнее сохранить этих головорезов возле себя, а не отпускать восвояси. Все-таки, Франция – это Франция, а вот, к примеру, Прованс и земли империи, лежащие за Роной и кишашие бандами наемников, могут представлять большую опасность. Но, делать нечего. Ги никогда не любил менять свои решения, как ему казалось, это придавало большую решительность и служило показателем стойкости и железного характера.

Кардинал поежился, кутаясь в меховой накидке и, повернув голову, оглядел своих слуг, деливших с ним все опасности долгого путешествия в Англию и обратно.

Два крепких воина, одетых в невообразимое уму сочетание монашеской и военной одежды, невозмутимо сидели в седлах своих коней. Поверх металлических нашейников, кольчуг и гамбезонов были надеты теплые монашеские накидки с капюшонами и длинными и широкими рукавами, которые едва скрывали воинскую амуницию спутников. Крепкие и добротные кожаные сапоги, сшитые из толстой испанской кожи, были усилены в голенищах металлическими пластинками, а носки и пятки, так вообще, представляли сплошное железо.

Каждый из спутников кардинала вел три лошади, одна из которых была *ронкин*, навьюченная дорожным скарбом кардинала. Две других запасных лошадей были буквально увешаны арбалетами, мечами, короткими *шефлинами* и, помимо всего остального, везли по одному *павезу*.

На левой стороне, чуть позади седла, каждый всадник имел круглый итальянский щит-*рондаш*, а в руках копье и арбалет, лежавший на луке седла и готовый к немедленному применению.

Пьер – так звали первого спутника кардинала, был высокий, широкоплечий и светловолосый франк-северянин, выкупленный много лет назад Ги де Фуко у работорговцев-мусульман на невольничьем рынке Дамьетты, располагавшейся в дельте Нила, куда он попал крестоносцем во время *Нильской катастрофы Людовика Святого*. Он был немногословен и, на первый взгляд, казался увальнем и дурачком, хотя, на самом деле, он знал пять языков, включая арабский и испанский, бегло читал, а самое главное, имел поразительную память на лица и слова, сказанные кем-либо. Это незаурядное качество кардинал очень ценил, не раз оставляя Пьера возле кого-нибудь в качестве слуги-дурачка. Гости, поверив в глупое лицо слуги, на котором было написано полнейшее отсутствие каких-либо эмоций, не говоря уже о мыслях, предавались искреннему трепу, что в купе с изрядным количеством выпитого за столом открывало их истинные лица и самые потаенные уголки души.

Второго спутника Ги де Фуко звали Алессио. Высокий, черноволосый красавец, отличный мечник и, как почти каждый *гвельф*, изумительный арбалетчик. Он был весел, задирист и

успел прослыть страшным покорителем и разбивателем женских сердец, таща за собой шлейф пикантных и, зачастую, кровавых историй, что также ценил кардинал, негласно направляя своего «воспитанника» против соперников или простых интриганов. Завзятый дуэлянт, задира и откровенный прохвост, Алессио, тем не менее, любил и побаивался своего хозяина, отдавая дань уважения его нестигаемому характеру и силе воли. В свою очередь, юркий, веселый и разбитной Алессио был нужен, как воздух, кардиналу для «решения» возникавших то и дело проблем. Ватикан и Римская курия, как назло, были отнюдь не «райскими кущами», населенными агнцами и серафимами. В полутемных коридорах папского дворца, на узких лестницах замка Святого Ангела Ги де Фуко приходилось постоянно сталкиваться с куда более опасными соперниками. Кардиналы, проходимцы, временщики и лизоблюды, подвизавшимися, словно свора бродячих псов, возле римского первосвященника, рассчитывая поживиться за счет святой католической церкви, при этом, зачастую, не брезгуя ни какими средствами, в том числе убийствами или отравлениями. Именно для этих персон и был, к вящей славе Господа, создан Алессио. Стоило кардиналу намурить лоб или незаметно кивнуть в сторону обидчика, я уже молчу об откровенных перешептываниях за столом, как неистовый итальянец превращался в бешеного льва, готового разорвать любого, кто вставал на пути его хозяина. При всем этом кажущемся неуправляемом темпераменте, Алессио, как ни странно, умудрялся сохранять холодность рассудка и научился, даже в самый трудный или опасный момент, контролировать эмоции, не позволяя им захлестнуть, а значит, погубить его, к примеру, в поединке.

Вот и сейчас, пара спутников кардинала олицетворяла собой прямую противоположность: Пьер невозмутимо дремал, или делал вид, что дремлет, смежив веки, а Алессио, наоборот, изводил шпорами своего гнедого скакуна, заставляя несчастное животное вертеться на месте и выбивать своими мощными копытами огромные комья грязи. На самом же деле, больше переживал франк, ведь каждый день нахождения на родине тяготил и, одновременно, радовал его, в то время как итальянцу, по большому счету, было абсолютно наплевать, останутся ли они во Франции или уедут, например, в Марокко. Для него главным (он был еще так молод) было лишь одно – наличие женщин, интриг и соперничества.

– Ну, дети мои, – кардинал проводил взглядом убывавший эскорт, вздохнул и неожиданно весело улыбнулся спутникам. – Нас ждет король Франции! Если Господь нас любит не на словах, а на деле, – он набожно перекрестился и, при этом, не забыл лукаво подмигнуть своим спутникам, – наш «французский святоша» за уши притащит мне всю курию, а вместе с ней и папскую тиару!

– Свят, свят, – перекрестился Пьер, испуганно косясь на кардинала.

Алессио широко улыбнулся и, перекрестившись, произнес, исправно коверкая французские слова:

– Je compte, que sur les moeurs des femmes locales ne mentent pas. Personnellement je, jure par le sauvetage de l'âme coupable, n'a pas refusé d'essayer sur lui-même leurs sortilèges et les plaisirs d'amour !* (Я считаю, что на обычаях местных женщин не лгут. Лично я, клянусь спасением виновной души, не отказался пробовать на нем самом их колдовство и удовольствия любви! – итальянец путается во французских словах)

Кардинал и Пьер не удержались и прыснули смехом. Алессио недоумевая посмотрел на них, изобразил на своем шаловливом лице гримасу обиды.

– Твой французский оставляет желать лучшего... – заметил Ги де Фуко. – Тем не менее, мой юный итальянский амурчик, столь длинная тирада вызывает у меня удивление и, не буду кривить душой, некое подобие восхищения. Если бы не...

– Что, экселенце? – Алессио с мольбой во взгляде посмотрел на него.

Кардинал покосился на Пьера, лицо которого приняло снова невозмутимый и непроницательный вид, крикнул от смеха, душившего его, и ответил:

– Так, пара откровенных «ляпов»...

Алессио весело захохотал, закатил глаза и ответил:

– Да-а-а, я представляю, что я там «нагородил»! Монсеньор, – он взмолился, обращая к кардиналу свое лицо, на котором, на этот раз, было выражение ангельского смирения, – падре, пожалуйста, не томите мою душу...

– Хорошо, Алессио. – Ги посмотрел на Пьера, который еле сдерживал улыбку, боясь расстроить своего товарища. – Так вот, свое первое предложение ты выстроил совершенно безобразно, ну, да ладно об этом. В конце концов, твой нежный акцент придал такой шарм французскому языку, что я смогу с уверенностью заявить, – он погладил итальянца по голове, – многие дамы во Франции сойдут с ума, а их сердца станут трепетать, словно крылья маленьких пташек.

Ги де Фуко понравилось свое образное сравнение, он засмеялся, а вместе с ним и его спутники. Алессио решил все-таки выяснить – какие еще ошибки он совершил. Кардинал медленно развернул коня и поехал по дороге, плавно огибавшей большую рощу и тянувшейся к Парижу. Слуги пристроились по бокам и приготовились слушать.

– Вторая ошибка, мой итальянский друг, погружает тебя в адское жерло греха...

– Куда?! – Удивился Алессио. – С какого такого перепуга, монсеньор?..

– Грех, Алессио, назвать свою душу «виновной», а не «бессмертной»... – кардинал пристально посмотрел на итальянца, после чего перевел взгляд на Пьера, который покраснел от натуги, сдерживая вырывающийся хохот. – Вторая ошибка вылилась в вопиющую ересь! Ты умудрился вставить запрещенное инквизицией словечко...

– Какое?..

– Обыкновенное словечко. Колдовство... – кардинал и сам едва сдерживался, боясь своим веселым смехом расстроить своего итальянского слугу, ставшего к этому времени товарищем и соратником. – Я уж опускаю ту мелочь, что все это колдовство и ересь, но, прости меня, на ком ты собрался пробовать «удовольствия любви»?

– На себе, монсеньор... – Алессио не понял тонкую шутку.

– Э-э-э, нет! Ты сказал «на нем пробовать». Ты, случаем, не заразился в Англии тягой к содомии? Я, признаться, и не знал, что она заразная...

– Какая, к черту, ой, простите меня, ваше высокопреосвященство, содомия?! – Алессио испуганно устался на кардинала.

– Я лично понял, что ты желаешь применить все французские «штучки», коими ты учишься у сеньора, на ком-то ином, к примеру, на Пьере...

– Упаси меня Господь... – перепуганным голосом ответил ему итальянец. – Чтобы я, да еще, прости Господи, с Пьером...

– Кто тебя знает, Алессио. – Ги засмеялся. Он больше не мог сдерживаться. – Чужая душа – потемки... – Пьер оглушительно заржал. Ги и сам удивился тому, как весело, искренне и заразительно смеялся его слуга-товарищ. «Ей Богу, я еще ни разу не слышал его смех» – подумал про себя кардинал. – Кстати, я тут заметил, что твой французский язык благодатно сказывается на нашем вечно молчаливом и хмуром Пьере! Побольше бы ты говорил на моем родном языке, глядишь, Пьер совсем отогреется душой, станет живым и веселым. А теперь, хватит шуток! Нам надо спешить в Париж...

Троица всадников прищпорила коней и понеслась по грязной, кочковатой и извилистой лесной дороге к Парижу – столице французского королевства...

Париж. Королевский дворец. Остров Сите. Маленькая комната в часовне Сен-Шапель. 27 октября 1264г.

Троица безо всяких дорожных приключений добралась до Парижа. Кардинал отметил, как спокойнее и увереннее стало передвигаться по извилистым дорогам центральной Франции. То тут, то там размещались небольшие королевские башни или замки, снабженные пусть и небольшими, но прекрасно обученными гарнизонами. На мостах и переправах царил поря-

док, в общем-то, близкий к идеальному если не считать пары зарвавшихся учетчиков. Но и те, стоило им разглядеть красную кардинальскую мантию, скрытую под грязными дорожными одедами, вмиг тушевались и, стыдливо отводя глаза, бубнили что-то несурзное в свое оправдание.

Ги де Фуко не был во Франции почти год. За это время королевство изменилось, даже дороги стали медленно, но уверенно приходить в божеский вид: ямы засыпали, мосты латали или вовсе меняли на новые каменные. Глаз кардинала замечал любую мелочь. Но, это было выше его сил, Ги де Фуко восхитился нововведением короля – почтовыми станциями.

Гениальность и простота, с которой король решил извечную проблему быстрой, качественной и практически бесперебойной доставки корреспонденции, важных донесений и всяческих новостей, покорила скупого на эмоции кардинала.

Почты были снабжены небольшими постоялыми дворами, где каждый путник мог отдохнуть исходя из возможностей своего кармана, а паломникам и богомольцам были предоставлены специальные горячие обеды, оплачиваемые из казны. Казенным лицам и священникам, особенно, если они ехали с официальными целями, на станциях меняли, если они желали, лошадей, выдавая довольно-таки приличных ронкинов или мулов для перевозки поклажи и имущества.

Наконец, когда два дня неспешного, но и не медленного пути были пройдены, они увидели северные пригороды Парижа, обнесенные мощной крепостной стеной, снабженной башнями и воротами. Кардинал сменил дорожные одежды, которые порядком намокли и запачкались грязью, приказав подать ему парадный меховой плащ, а заодно, критично осмотрев внешний вид своих спутников, заставил и их переодеться, дабы они могли прилично выглядеть и позорить кардинала перед знакомыми и простыми горожанами.

Пьер молча слез с коня и, стащив небольшой кожаный мешок, стал деловито и невозмутимо переодеваться, сбросив мокрый плащ и грязный сюркот и надев новый поверх короткой, на итальянский манер, кольчуги. Он не был любителем носить шлемы, отдавая предпочтение простым кожаным чепцам и кольчужным капюшонам-хауберкам.

А вот Алессио буквально извел всех причитаниями и ворчаниями, но, тем не менее, переоделся, поразив всех своим, почти павлиньим, нарядом: поверх тонкой трехслойной стальной короткой кольчуги и стального нашейника он надел бархатную парадную котту, а сверху нее короткий сюркот с гербами кардинала. Вместо чепца он украсил свою голову красивым беретом с пышным плюмажем из перьев ястреба. Довершало все это «дикое безобразие», как проворчал Пьер, большая золотая цепь, широкий пояс, богато украшенный золотом и эмалью, зачем-то, два кинжала и меч, помещенный в роскошные ножны, чья красивая гарда сияла и переливалась в лучах утреннего солнца.

Так они и въехали в Париж, медленно проехали по его узким и извилистым, но местами уже замощенным камнем, улочкам и, представившись предместной страже, ступили на Мост Менял, соединявший правый берег Сены с островом Сите. На этом небольшом и вытянутом клочке суши, который с высоты полета птицы походил на серп, размещался королевский дворец, огромный белый собор Девы Марии, курия, дома горожан, монастыри и резиденция епископа. Весь остров был окружен старой стеной, построенной еще при Меровингах, заросшей виноградом и плющом, но реконструированной прадедом нынешнего короля.

Пьер заморожено смотрел на высоченную громаду большого и красивого собора, а итальянец, раздетый в пух и прах, ловил на себе заинтересованные взгляды девушек и женщин, которыми были наводнены улочки острова.

Кардинал же, казалось, был погружен в себя. Он медленно приближался к королевскому дворцу – главной цели всей его, как казалось Ги, жизни. Его больше всего занимал предстоящий разговор с несговорчивым, подозрительным и прижимистым королем Франции, от него зависело многое, если не сказать – все.

Представившись начальнику стражи, Ги де Фуко выяснил, что король вместе с братьями находится в часовне Сен-Шапель, специально выстроенной Людовиком для размещения в ней тернового венца, выкупленного им у византийцев за огромные деньги.

– Не могли бы вы, милейший шевалье, сообщить его величеству Людовику о моем срочном визите и желании побеседовать приватно... – кардинал насквозь пронзил рыцаря охраны своим решительным взглядом. – Дела короны и Святого престола не терпят отлагательств... – он заметил, как рыцарь переменялся в лице, нервно оглянулся, словно высматривал кого-то, после чего, тронув рукой за кольчугу воина, добавил. – Желательно, это в интересах короны, чтобы, по возможности, о нашей беседе никто не узнал. Он уже понял по глазам рыцаря, что его пропустят к королю.

– Монсеньор, ваше высокопреосвященство, его величество так занят... – попытался что-то лепетать стражник, тая под напором взгляда кардинала. – Все его помыслы принадлежат Святым местам и новому искупительному походу в Палестину...

– Вот и прекрасно! – Подвел итог разговора кардинал. – Без нашей беседы, уж поверьте мне на слово, никакого крестового похода не будет.

Стражник понял, что больше спорить с кардиналом бесполезно, вздохнул и произнес:

– Следуйте за мной, ваше высокопреосвященство. Я провожу вас в специальную комнату, где его величество проводит особые советы и встречи...

– Да благословит вас Господь, сын мой... – кардинал снял перчатку и протянул ладонь рыцарю.

Стражник молча поцеловал руку кардинала и отвел его в небольшую комнату, единственным убранством которой было огромное распятие, четыре деревянных стула, да ковер под ногами, порядком вытоптаный посередине. Ги де Фуко молча устоял на ковер и попытался разглядеть его рисунок.

«Вроде это персидский ковер...» – он не успел подумать, как внезапно отодвинулся большой гобелен, прикрывавший часть стены, и из-за него появился король Людовик.

– Доброго вам дня, монсеньор! – Людовик произнес эту фразу с напускным безразличием. – Мы рады принять вас у нас в королевском дворце...

«Вот, разбойник! – Подумал кардинал. – Говорит, что принимает во дворце, а на самом деле встречается со мной в какой-то крохотной каморке...»

– Здравствуйтесь, ваше величество! – Кардинал изобразил на своем лице открытую улыбку и поклонился перед королем. – Только Божий промысел вынудил меня, вот так, обратиться к вашему величеству...

– Все мы, кардинал, так или иначе, исполняем Божий промысел. – Людовик нервно повел плечом, устало выдохнул воздух и плюхнулся на один из стульев. Он расслабленно повел рукой, предлагая Ги де Фуко присесть. – Присядьте, ради Бога, вы же с дороги...

«Хороший знак, – решил кардинал, присаживаясь на стул, стоявший возле короля, – интересно, а он уже знает?»

– Благодарю вас, сир... – Ги сел рядом с Людовиком. – Неотложные дела привели меня к вам...

– Пустующее кресло папы?... – Людовик хитро взглянул на него.

– Именно, ваше величество... – грустно кивнул кардинал, понимая, что темнить и юлить, уже нет надобности. – Я, как француз, как бывший ваш духовник...

– Господи, когда же, наконец, наступит рай на земле... – король устало закатил глаза. – Надоело...

Ги де Фуко присмотрелся к нему. Да, неудачная египетская экспедиция не прошла даром для Людовика. Пятидесятилетний король Франции почти полностью облысел, исхудал, истязая себя длительными постами и умерщвляя плоть молитвами и ночными бдениями. «Да, а он, часом, не подвинулся ли в уме?» – мелькнуло у кардинала в голове. Он слышал разговоры

о том, что король Франции возвратился из похода удивительно набожным, суеверным и осторожным, что все всерьез стали опасаться за его голову и здоровье. Этому были веские причины – король частенько заговаривался и тогда придворные советники, рыцари и монахи слышали из его уст мрачные мысли, связанные, прежде всего, с тем, что, мол, господь таким вот образом покарал его и воинство, украв победу и вручив ее мусульманам.

– Рай на земле, сир, надобно творить, прежде всего, в душах паствы... – тихим голосом произнес кардинал.

– Послушать вас, так просто соловьями поете... – Людовик кисло и натужно улыбнулся, обнажив беззубую усмешку. – А на деле выходит... – Король махнул рукой, дав понять, что пора оставить пустую болтовню и переходить к делу. – Мы заинтересованы в том, чтобы новым папой стал француз...

«Победа...» – Ги с трудом удержался от того, чтобы не хлопнуть в ладоши от радости, однако, собрался и тоном безразличия ответил:

– Франция, по праву старшей дочери католической церкви, а короли, на правах старших сыновей, доказали Риму свою верность и честность, а о порядочности и говорить нет надобности...

– Прекрасный реверанс в наш адрес... – Людовик устало закрыл глаза. – А, давайте-ка, монсеньор, прогуляемся и поиграем в шары?..

– К моему великому несчастью, мне надо срочно спешить в Перуджу на конклав кардиналов, ваше величество...

– Стало быть, мой друг, дела совсем пропащие?..

– Не то слово, сир! Просто беда! Гибеллины во главе с Конрадом и Манфредом совсем распоясались, ничего святого у них нет!..

– Святость – прерогатива церкви... – вяло ответил Людовик. – Что получит Франция, если мы вас сделаем папой Римским?..

Вопрос, поставленный королем прямо в лоб, озадачил Ги де Фуко. Он, конечно, ожидал нечто подобное, но, вот так, открыто и честно...

– Сир, я... Прямо не знаю, что и ответить...

Людовик хмуро посмотрел на него, вздохнул и, скрестив пальцы рук, подпер ими свой подбородок.

– А вы ответьте то, что сразу же придет вам на ум...

Ги де Фуко поднялся и прошелся по маленькой комнатке часовни Сен-Шапель, резко развернулся и, глядя в глаза Людовику, ответил:

– Франция получит преобладание в Европе и... – он сделал небольшую паузу, подбирая слова, – *регентство над королевством обеих Сицилий*...

Людовик рассмеялся. Его смех был более похожим на хрип или кашель. Он снова прикрыл глаза и ответил:

– Пустая болтовня... – король открыл глаза и жестом приказал кардиналу сесть рядом с ним. – Корона моих предков и так преобладает в Европе, а что касается призрачного удовольствия втянуться в еще одну отдаленную войну, так мы вам ответим, что нас, куда больше, занимает вопрос крестового похода и, соответственно, расходов на него, а не на кровавую бойню в христианской Италии...

Ги присел рядом с ним. Он понял, что, при всем кажущемся равнодушии, Людовик заинтересовался его предложением. Если не полностью, то хотя бы отчасти...

– Сир, мои предшественники, папы Римские...

– Ой! Как вы начинаете, монсеньор... – Людовик понимающе закачал головой, давая понять Ги де Фуко, что именно от короля зависит, будет ли он папой Римским. – Рим уже давно подвержен смутам, анархии и гибеллинам. Даже мой брат, Шарль де Анжу и де Провен, хотя и носит титул сенатора Рима, а и то, из соображения безопасности перебрался оттуда к

себе в графство. Кстати, он здесь и рассказал мне о том, что творится в Италии, можно сказать, из первых рук...

– Ваше величество! – Ги упал на колени перед Людовиком. – заклинаю вас, ради всего святого, помогите мне спасти престиж католической церкви! Манфред и германский король Конрад, – он уткнулся лбом в каменные плиты пола, – эти отродья покойного Фридриха-Антихриста, вербуют в свои войска богопротивных мусульман Сицилии и Неаполя!.. – он поднял голову и с мольбой в глазах посмотрел на короля. – Я вручу корону вашему брату...

– Какому из моих братьев? – Людовик разжал руки и крестил их на груди. – у меня, слава Богу, много братьев. Одному, помнится, один из пап уже предлагал корону германского императора! Слава Господу и Деве Марии, что я тогда мог трезво оценить все последствия и отказался от этого «лестного» предложения...

– Сир! На этот раз, поверьте, это не будет пустыми словами! Я, если меня изберет конклав, сразу же издам Буллу о сборе средств на крестовый поход, наложу интердикт на всю Германию и предоставлю половину доходов папской казны на покрытие военных издержек вашего брата...

– Какого из братьев? Кому вы собираетесь предложить добровольно сунуть голову в петлю, которая зовется «Италия» и «Неаполитанское королевство»? Альфонсу? Шарлю? Или, может быть, моему племяннику де Артуа, сыну погибшего графа Робера де Артуа, который сложил свою буйную голову под Мансурой вместе с мессиром Гильомом «Длинный меч» Солсбери и остальными благородными сеньорами?..

– Ну, знаете, я так сразу не могу ответить... – растерялся кардинал.

– Тогда, простите меня, для чего вся эта беседа? – Людовик встал и собрался покинуть комнату.

– Пойдите, сир, не покидайте меня! – Ги взмолился. – Помогите мне стать папой Римским, и я, клянусь господом и спасением души, помажу на царство вашего брата Шарля!..

– Шарля? *Хулигана, грубияна и «кровавого тирана», как его называют в Эно?*..

– Да, сир, именно графа Шарля, вашего младшего брата...

Людовик сел на стул и задумался. Ги де Фуко понял, что, возможно, еще не все потеряно.

– Я принимаю корону Неаполя для своего брата Шарля и обещаю, что позволю проповедовать у себя на землях крестовый поход против еретиков Манфреда и Конрадина, а вы, когда станете папой, предоставите мне право удержания в течении пяти лет церковной десятины со всех приходов и владений католической церкви, кои находятся у нас в королевстве.

– Я принимаю ваше предложение, сир... – кардинал встал на колени перед королем Франции.

– Это, мой друг Ги де Фуко, не предложение. – Людовик сурово и решительно посмотрел на него. – Это – требования, причем, беспрекословные!

– Я согласен, ваше величество... – обреченным голосом ответил кардинал.

– Э-э-э, ваше высокопреосвященство, это еще не все! А где обещание предоставить половину доходов папской казны на погашение военных издержек? – Людовик становился похожим на еврея-ростовщика, тянущего последние жилы из кредитора. – А где обещание покрыть расходы моего брата Шарля?..

– Сир, простите, но это уже слишком... – неуверенным голосом ответил кардинал. – Я обещаю только вам...

– Ладно. Нас устраивает и такой вариант... – Людовик протянул руку для поцелуя.

– Я клянусь исполнить все свои обещания, ваше величество... – Ги де Фуко прикоснулся губами к ледяной ладони Людовика. – Только, умоляю вас, пообещайте, что ваш брат не позарится на северные итальянские земли...

– А-а-а, испугался?! Это правильно! Мой брат алчен, груб и жесток! А если, не приведи господь, он почует, что есть еще лакомые куски, то поверьте, он не упустит случая и вонзит

в них свои железные зубы! – Людовик с интересом наблюдал за реакцией кардинала, после чего улыбнулся и добавил. – Шарль не покусится ни на одно северное итальянское владение, наоборот, он будет вам помогать их отвоевать!..

– О-о-о, благодарю вас, сир...

– Пожалуй, я сейчас приглашу своего брата, благо, что он и так все слышал, стоя за гобеленом. – Король поймал испуганный, растерянный и удивленный взгляд кардинала, улыбнулся и произнес. – Семья – это святое, что есть у каждого человека, даже если он – король Франции. Шарль, брат мой, можешь войти!..

Гобелен приоткрылся и в комнату вошел высокий и широкоплечий рыцарь с пунцовыми щеками и густыми длинными волосами цвета спелой пшеницы.

– Бог в помощь, ваше высокопреосвященство! – С улыбкой произнес Шарль де Анжу и де Провен, младший брат Людовика, которому шел тридцать восьмой год.

– И вам, ваша светлость, не болеть... – обреченно ответил кардинал.

– А мне нравится предложение кардинала! – Шарль засмеялся, но как-то холодно, расчетливо и жестоко. – Мы ему папскую тиару, а он нам – целое королевство!

– Которое еще надо завоевать, брат.. – тихо заметил король.

– Ерунда! К весне и завоюю... – смеясь, ответил Шарль.

– Тогда, братец, Бог тебе в помощь! – Людовик начинал раздражаться показной бравадой своего младшего брата.

– С одним Богом, боюсь, мне не справиться... – Шарль понял, что своей напускной бравадой стал злить своего брата-короля. – Без помощи французского рыцарства мне никак не обойтись...

– От короны я не дам ни единого воина, – отрезал король Франции, – а вот денег, в долг, выделю. Нанимай рутеров и флорентийских всадников.

– Маловато... – заметил Шарль.

– Разжуешь, будет как раз! – Улыбнулся король, славившийся своей прижимистостью.

– А я, клянусь спасением души, если стану королем Неаполя, сразу же поддержу тебя в крестовом походе против язычников и поставлю пятьсот рыцарей!..

– Сколько? – Людовик с недоверием покосился на брата.

– Ну, триста рыцарей... – Шарль понял, что опять сказал какую-то глупость.

– Согласен. Триста рыцарей для моего крестового похода... – Людовик улыбнулся и погладил Шарля, словно маленького ребенка, по голове. – Можешь брать рыцарей от Анжу, так уж и быть, я издам Ордонанс о «шевоше»... Он прищурился и взглянул в лицо Шарлю. – Кого собираешься ставить командующими?

– Я думаю, что если вы, брат мой и король, позволите забрать мессиров Ги «Грушу» де Леви и сеньора де Кастра, с которыми я покорял Прованс...

– «Грушу», говоришь? – Людовик улыбнулся, но на этот раз, тепло и искренне. – Мессир де Леви, полагаю, меня устроит. Теперь, братец, я спокоен...

Кардинал, который до этого момента молча стоял и слушал диалог братьев, робко кашлянул и произнес:

– Сир, я, часом, не мешаю вашей семейной беседе?..

– Как, вы еще здесь? – Людовик изобразил удивление на своем бледном лице. – Ваше будущее святейшество! Вы должны уже мчаться к Перудже! Гоните коней, как ветер! Не теряйте ни минуты! Вам полдня на сборы, а я отправляю гонцов в Перуджу немедленно. Они поговорят с кардиналами, благо, что они почти все французы. Папская тиара ждет вас...

Ги де Фуко поднялся, торопливо поклонился королю, поцеловал его руку, поймав себя на мысли, что он сейчас, словно какой-то рыцарь, приносит оммаж сюзерену, поклонился Шарлю де Анжу и буквально выбежал из часовни.

Когда дверь за кардиналом закрылась, Людовик выдержал паузу и торжествующе посмотрел на Шарля:

– Ну, брат, как тебе перспектива?..

Шарль обнял его:

– Сир, брат мой! Клянусь господом, что буду самым верным из твоих вассалов и самым дружественным из королей Европы!..

– Не говори «гоп», пока не перепрыгнул! Я, к несчастью, сейчас поиздержался, так что денег у меня маловато...

Шарль кинул быстрый взгляд на короля и подумал: «Надо же, даже сейчас жметя!», но улыбнулся и вслух произнес:

– Брат мой! С меня будет довольно и наших французских рыцарей!..

– Э-э-э, брат, куда ты загнул! Рыцари мне самому нужны! Я ведь готовлю новый поход...

– Брат, подожди немного с ним! Позволь мне захватить Неаполь и надеть на голову корону Фридриха! Тогда, клянусь всеми святыми, я помогу тебе, как и обещал! К тому же, кардинал обещал нам отдать церковную десятину!..

– Не нам, Шарль, а мне... – поправил его скуповатый и прижимистый брат-король Франции.

– Тем более! – Шарль не унимался, он решил «дожать» своего брата, можно сказать, по горячему следу. – Забирай всю десятину, дай мне только тысяч сто!..

– Сколько?! – Людовик даже открыл рот от удивления наглостью своего брата. – ты, Шарло, в своем уме?! Откуда у меня такие деньги?!..

– Ну, я умоляю!!! – Шарль плюхнулся на колени и схватился за подол сутаны короля. – Заклинаю тебя всеми святыми и памятью нашего батюшки!..

Людовик замаялся, попытался вырвать край одежды из цепких рук Шарля, но, поняв, что это бесполезно, вздохнул и ответил:

– Господь с тобой. Выделю, так уж и быть... – и после паузы. – Восемьдесят пять тысяч *экио*...

– Девяносто пять! – Шарль не унимался, почуяв, что его брат поддался на уговоры и мольбы, – ради Христа!..

– Не поминай имя господа всеу!.. – Людовик перекрестился и взялся рукой за янтарные четки. – Как тебе не стыдно. Девяносто тысяч *экио*...

– Девяносто пять, ради Девы Марии и памяти батюшки...

– Господи, да когда ты утихомиришься! Не поминай имя Господа всеу...

– Брат и сир мой...

– Хорошо, девяносто пять тысяч *экио*... – Людовик устало закрыл глаза. – Только, пожалуйста, не поминай имя Творца...

– Хорошо, как прикажешь, брат! – Шарль впился губами в сухую и холодную ладонь короля Франции. Людовик попытался выдернуть руку, но граф не выпускал ее из своих крепких ладоней.

– Чего еще тебе надо... – взмолился Людовик.

– Рыцарей...

– Нет! Нет! И еще раз – нет!!! – Король топнул ногой.

– Умоляю, ради...

Людовик широко расширил свои глаза:

– Хватит! Забирай всех, кого сможешь уговорить! Но учти, если ты завербуешь высших сеньоров, я не позволю им пользоваться должностными титулами!..

– Да ради Бога, брат... – Шарль, наконец, отпустил руку короля и широко улыбнулся.

– Боже мой, как я устал от тебя... – прошептал Людовик. – Вот, теперь и сам я произнес имя творца всеу...

Окрестности Милана. За две недели до описываемых событий.

– Здравствуй, Манфред, мой король. – Высокий и широкоплечий рыцарь, одетый в черный сюркот и длинный черный плащ с вышитыми орлами Гогенштауфенов, снял с головы шлем и, откинув кольчужный капюшон, обнажил светловолосую голову. – Поздравляю тебя. Издох французский пакостник...

– Здравствуй и ты, Анибальди. – Манфред протянул руку итальянскому рыцарю. – Это не только моя победа, это – торжество Фридриха, моего покойного отца!

– Что-то тяготит мне сердце... – Анибальди скривился. – Боюсь, как бы *Луи-монах* не протянул свою костлявую руку к Риму...

– Он же не сумасшедший! – Засмеялся Манфред. – Неужели, друг мой, ты всерьез думаешь, что французы снова решатся влезть в папские выборы?

– Почему бы и нет... – рыцарь недоверчиво покосился по сторонам. – Одно дело, когда был жив ваш отец Фридрих, который заключил договор о ненападении и невмешательстве с покойным *Луи-львом*. А вот его сын – совсем другое дело. У него слишком много братьев, да и рыцари жаждут реванша *после постыдного разгрома на Ниле!*

– То был, если ты не забыл, крестовый поход. – Попытался поправить его Манфред. – А Италия, слава Господу, христианская страна!

– Вот-вот! Именно, что христианская страна! – Вспыхнул Анибальди. – Ты даже не представляешь, что они могут тут сотворить к вящей радости нового папы!..

– Пусть, для начала, выберут нового понтифика, а потом посмотрим...

– Когда выберут папу, тогда уже смотреть будет без толку! Тогда, Манфред, придется не глазеть, а собирать всех воинов... – с грустным вздохом ответил ему итальянец.

– Неужели?..

– То-то и оно! Если папу выберут, и он, не дай Бог, снова будет французом, к весне или лету жди к себе в гости большую ораву закованных в железо франков-рыцарей!..

Манфред криво улыбнулся, он не верил словам Анибальди:

– Ладно, я их встречу... – он заглянул в глаза собеседнику. – А ты мне поможешь?..

– Естественно. Чем смогу – помогу, только, – Анибальди перекрестился, – если папа наложит снова интердикт на Северную Италию, боюсь, что тебе придется в одиночку отбиться...

– Свят-свят... – Манфред перекрестился и, плюнув три раза через левое плечо, добавил. – Чур меня и чур Неаполь от такой напасти...

– Франция сильна, могущественна, как никогда! Постарайся вести себя спокойнее, как бы это сказать, – Анибальди взялся рукой за подбородок, покрытый густой щетиной, – осторожнее, что ли. А все, что касается твоих мусульманских всадников и конных лучников из числа перевезенных из Сицилии покойным Фридрихом, так мой тебе совет – уведи их за Лючеру, спрячь и не показывай никому до поры, до времени. Не дай Бог, если тебе придется их использовать против христиан! Тогда, – король грустно вздохнул и развел руками, – ни я, ни гибеллинские общины северной Италии, ни Германия, ни, тем более, Европа тебе не помогут, а уж о том, чтобы сдать на милость папы Римского, и речи быть не может...

– Это еще почему? – Удивился Манфред.

– Да потому, мой кузен, что тебя к папе на полет арбалетного болта не допустят!..

– Кто?..

– Кто-кто! Французы, конечно... – Анибальди надел на голову кольчужный капюшон, бросил торопливый взгляд на своих рыцарей, сидевших в седлах чуть поодаль от места разговора, шумно выдохнул воздух и добавил. – Делай все возможное, чтобы папу, как можно дольше, не избрали. Пока нет папы Римского, мы можем спать спокойно...

Манфред недоверчиво посмотрел на Анибальди:

– Куда ты сейчас? Покидаешь меня?..

Анибальди отрицательно покачал головой:

– Даже и подумывал об этом. Я, на всякий случай, поеду с разведкой к Перудже, а заодно, я надеюсь, что ты сможешь раздобыть золото, постараюсь договориться с немецкими и швейцарскими наемниками. Пикинеры и арбалетчики нам не помешают...

– Господи! – Манфред всплеснул руками. – Где же я найду столько золота?..

– Потихоньку обирай церковные запасы... – Анибальди мельком взглянул на небо, словно опасался, что уши Господа услышат его шепот, перекрестился и, понизив голос до шепота, добавил. – Надеюсь, что Господь сейчас занят другими делами и не услышал меня...

– Да ты с ума сошел! Тогда меня, уж точно, заклеят как богохульника и еретика!..

– Манфред, друг мой и король... – Анибальди положил руку на его плечо. – Ради спасения королевства придется сделать такой шаг. Потом, если Господь позволит, мы замолим грехи и воздадим церквям и монастырям с лихвой!

– Но, Анибальди...

– Переодень часть своих головорезов в гвельфские наряды, вот и все...

ГЛАВА II.

Ночной гонец, или почему сеньора Ги Ш де Леви прозвали «Грушей».

Замок Мирпуа. Столица владений, называемых «Землей Маршала». Южная Франция, севернее Фуа и южнее Тулузы. 10 ноября 1265г.

Прошел почти год, потраченный Людовиком и Шарлем на сбор денежных средств ради осуществления намеченного захвата Неаполя. Кардинал Ги де Фуко благополучно (при поддержке короля Людовика) стал новым папой Римским, взял себе имя Климент и четвертый порядковый номер, успел отлучить от церкви Манфреда и наложить интердикт на все земли королевства. Между этими делами папа успел короновать Шарля в Риме, вручив, правда, вместо реальной короны Неаполя совершенно иную, старую корону *лангобардского короля Дезидерия*. Но особая Булла и освященный вексиллум компенсировали этот нюанс, делая из графа Шарля настоящего короля, а не захватчика, разбойника и грабителя.

В свою очередь Шарль навел порядок в Риме и окрестностях, очистив город и земли от сторонников Манфреда и прочих гибеллинов.

И вот теперь наступал самый, пожалуй, решающий момент – начинало собираться войско...

Три всадника на взмыленных от бешеной скачки конях приближались к замку Мирпуа, поднимая брызги в лужах и выбивая большие комья черной земли. Последняя смена коней была перед полуночью в Памье на большой почтовой станции, построенной по Ордонансу короля Людовика через каждые десять или пятнадцать *лье*. Городской бальи, отвечавший за работу почтовой службы, уже собирался идти домой, когда к нему буквально вломились три королевских гонца в перепачканных плащах и сюркотах с едва заметными лилиями. Он вздрогнул, подумав, что это чиновники с проверкой его работы, но главный из этой троицы коротко кивнул ему и молча протянул руку, одетую в крепкую перчатку, на которой красовался большой перстень с выгравированной эмблемой в виде трех лилий и стрелы:

– Коней... – прохрипел он. – Живо. И вина... – Бальи облегченно выдохнул и крикнул слуг, приказав им немедленно приготовить свежих коней и вина гостям. Он попытался расспросить их о жизни в Париже и последних новостях, но, наткнувшись на ледяной волевой взгляд гонца, умолк, вжав голову в плечи. – Где живет мессир де Леви? Далеко отсюда?..

– Не менее пятнадцати лье к юго-востоку от Памье, мессир...

Слуги принесли кувшины, разлили вино и доложили о смене коней. Гонцы залпом выпили вино, торопливо развернулись и покинули прево, не проронив даже спасибо за угощение и расторопность его службы...

– Нахалы... – Прево насупился. – Ведут себя, словно они сами и есть король Луи и его братцы...

Внезапно он поймал себя на мысли, что произнес эти слова вслух. Прево вздрогнул и перекрестился...

Гарнизон замка готовился к закрыванию ворот, шателен осматривал ночную стражу и, как всегда, ворчал под нос, придираясь к следам ржавчины и несмазанной кожи на амуниции воинов, когда со стрелковой площадки надвратной башни раздался крик часового:

– Мессир Жан! Всадники! Три всадника едут к замку!..

Жан прервал осмотр и крикнул:

– Копейщикам выйти на барбакан! Арбалетчикам встать за их спинами и приготовиться к залпу по моей команде! Мою лошадь!..

Конюхи быстро привели коня, шателен ловко запрыгнул в седло и, поддав шпорами, выехал на середину каменного моста, чтобы встретить неизвестных и неожиданных гостей.

Всадники остановились у барбакана, один из них подъехал к Жану и, коротко кивнув, произнес что-то шепотом, после чего показал перстень. Жан вежливо поклонился и, повернув голову к воинам, крикнул:

– Уходим в замок! Это королевская служба!..

Гарнизон развернулся и четким шагом вошел в замок, Жан сопровождал гостей. Слуги приняли коней, после чего два гонца пошли в трапезную, где ужинали воины, а шателен вместе с третьим гонцом поднялся на третий этаж огромного донжона, выложенного из красных гранитных камней дедом нынешнего хозяина замка, сеньором Ги де Леви, маршалом де Ла Фо в войске крестоносцев графа Симона де Монфора.

Жан постучал в крепкую дубовую стрельчатую дверь, окованную железом и способную долгое время сопротивляться топорам или тарану, заглянул в залу донжона и произнес:

– Хозяин! К вам гонец его королевского величества!

– Так веди же его живее! – раздался достаточно бодрый голос, принадлежавший, по видимому, рыцарю средних лет, полному сил и энергии.

Жан повернулся к гонцу, поклонился и сказал:

– Проходите, мессир...

Гонец вошел и закрыл дверь прямо перед самым носом шателена, дав понять, что разговор приватный, и не предназначен для посторонних ушей. Жан потоптался с ноги на ногу, понял, что делать нечего, вздохнул, почесался и приказал стражникам, стоявшим на этаже, более внимательно относиться к своим обязанностям и прислушиваться к двери...

Несмотря на позднее время, Ги де Леви, сеньор де Мирпуа, де Ла Гард и де Монсегюр, внук знаменитого маршала де Ла Фо, ставшего еще при жизни легендой, не собирался ложиться спать. Мирная и относительно спокойная жизнь, как ни странно, не прельщала его. В свои неполные сорок лет он уже успел повидать многое: осаждал замок Монсегюр, помогая Гуго де Арси, который был посвящен в рыцари его дедом прямо на поле боя. Ги успел сдружиться с самым младшим в королевской семье – расчетливым хулиганом Шарлем де Анжу, с которым вырос бок о бок в смутное время, наступившее на земле Франции после преждевременной смерти Людовика Льва. Он с теплотой и трепетом вспоминал, как его отец привез из Франции, охваченной смутами баронов, маленького принца Шарло, родившегося уже после смерти своего отца-короля.

Какое-то время они жили в замке Сент-Ном, вздрагивая и просыпаясь среди ночи от всполохов пожара, постоянно готовясь к тому, что, в один прекрасный, или не очень, день принца могли выкрасть мятежники или, того хуже осадить замок, чтобы потребовать его выдачи.

Отец прекрасно понимал, что долго он не сможет обеспечить охрану молодого принца и, помня наказ королевы-регентши мадам Бланш де Кастиль, в одну из тихих и безлунных ночей увез мальчиков на юг. Небольшой, но прекрасно экипированный эскорт рыцарей и конных арбалетчиков держал путь к своим владениям, подаренных его великому отцу самим королем Филиппом Завоевателем и названных во всех официальных бумагах «Терр дю Марешаль», что переводилось совершенно просто: «Земля Маршала».

Ги и Шарль росли вместе, своим баловством и проказами доводя наставников и слуг до белого каления. Их постоянные «приключения», которые они совершали, наслушавшись рассказов о подвигах древних героев, графов, герцогов и рыцарей, с годами стали принимать широкий размах. Стали страдать мелкопоместные соседи, ведь два подростка, сопровождаемые десятком конных сержантов, носились по округе, топча посевы и докучая местным жителям.

Слава господу, что смута сошла «на нет», к Ги де Леви приехал гонец, который привез грустное для мальчиков известие: принца Шарля требовали домой. Его старший брат, король Людовик, желал объединить семью и отправить брата в обучение к герцогу Бургундии, дабы тот, позднее, посвятил его в рыцари.

Ги улыбнулся, вспомнив, как они трогательно прощались, стоя под огромным грушевым деревом, росшим в саду замка Мирпуа.

– Шарло, клянусь тебе, что сохраню нашу дружбу навек! – Щеки Ги горели, он отводил глаза, боясь заплакать от горечи, ведь его друг и товарищ по забавам и баловству уезжал. Уезжал далеко, на север, где зимы холодные, где находится большущий город Париж. Он вздыхал и сожалел, но ничего не мог поделать.

Шарль обнял товарища и, крепко прижав к себе, незаметно заплакал. Его круглое лицо с пухлыми губами и красными щеками покрыли две дорожки слез:

– Я тоже, мой друг Ги. – Он поднял голову и, увидев над собой огромную и спелую грушу, сорвал ее и, откусив кусок, протянул другу. – Откуси и ты, Ги де Леви. – Ги откусил большущий кусок и чуть не подавился. Шарль вытер украдкой слезы и, вытащив маленький кинжал, разрезал недоеденную грушу пополам, протянул одну из половинок товарищу. – Сохрани это. Пусть эта половинка груши станет нашим ключом, ключом от замка, скрепляющего нашу дружбу.

Ги спрятал половинку груши за вырез котты, оторвал маленькую веточку и, протягивая ее принцу, сказал:

– Сохрани эту грушевую ветку, Шарло. Когда я тебе понадобится, просто пошли кого-нибудь с ней ко мне. Я прискачу к тебе на помощь, даже если буду на другом крае земли...

Подшли рыцари королевского эскорта, которые вежливо забрали молодого принца крови.

Прошли годы. Ги вырос, возмужал, его посвятил в рыцари граф де Фуа, он даже чуть было не женился, но никогда не забывал о данном обещании. И вот однажды, почти десять лет назад, к замку прискакал гонец, который так сильно устал от бешеной скачки, что не смог ничего вымолвить, лишь протянул сухую грушевую веточку. Сердце Ги сжалось, сжалось, прежде всего, от радости. Принц, успевший стать рыцарем и графом де Анжу, помнил о нем! Он торопливо собрался и, прихватив с собой «сдвоенное» копьё всадников, направился на север страны.

Как оказалось, молодой граф де Анжу занимался умирением графств Фландрия и Эно, «любезно» откликнувшись на мольбу старой *графини Марго*. Там, в лагере под Сен-Кантенем, они снова встретились.

К нескрываемой радости Ги де Леви де Ла Гард и де Мирпуа граф вырос, окреп и раздался в плечах, превратившись в высокого и статного рыцаря с горделивым взглядом стальных глаз и королевской осанкой. Поначалу, Ги испугался, что, может быть, время и власть испортили юного принца, ведь он сохранил у себя в сердце только этот образ. Но, слава Богу, это было

не так! Шарль широко улыбнулся, его глаза засветились тем радостным и задорным детским светом, который не может врать. Он помнил о своем друге!

– Бог ты мой! – Воскликнул он, прерывая свой военный совет, лишь только Ги переступил полог его палатки. – Ги, брат мой! Друг мой!..

Они обнялись, Шарль представил рыцаря своим соратникам и так лестно отрекомендовал его, что Ги впору было топиться! Он и сам не ожидал, насколько он талантлив, храбр и опытен! Чтобы оправдать лестные слова принца крови, Ги буквально из кожи лез, стараясь быть в авангарде любого боя или осады замка.

Казалось, Шарль совершенно позабыл о клятве под грушевым деревом, но это было не так! Однажды, когда они (дело было ранней осенью) осаждали предместья Сент-Омера, граф Шарль подъехал к большому требюше, возле которого сидел на траве Ги де Леви. Тот набрал полный шлем спелых груш и, прикрикивая на персонал осадной машины, с нескрываемым наслаждением поедая фрукты. Грушевый сок брызгал во все стороны, стекал по губам и подбородку, когда Ги откусывал большие куски от изумительных осенних плодов.

– О-о! Я смотрю, ты остаешься верен своим детским привычкам! Мессир Ги «Груша» де Леви!..

Ги бросил огрызок груши, встал и поклонился графу, после чего, подошел к нему и протянул большую спелую розовато-золотистую грушу:

– Я, мой друг, никогда не забывал!

Граф Шарль весело расхохотался и с удовольствием съел протянутый плод, выплюнув на траву только плодоножку груши. Рыцари и сеньоры, сопровождавшие Шарля, весело засмеялись, наперебой обсуждая то, как граф придумал красивое прозвище своему другу.

Так, с легкой руки графа Шарля де Анжу Ги де Леви де Ла Гард и де Мирпуа получил прозвище «Груша», сохранившееся за ним до сих пор. Оно было добрым, приятным и не таким обидным, как у некоторых сеньоров. Ги даже заплатил фламандским оружейникам и попросил изготовить цепник, а его ударные шарики были отлиты в форме груш, усеянных острыми стальными шипами.

Рыцарский род де Леви получил еще одного воина, имевшего боевое прозвище.

Первый рыцарь рода де Леви – мессир Годфруа был прозван «Святым». Второй рыцарь рода – мессир Филипп де Леви уважительно назывался «боевым шершнем», деда Ги де Леви все звали «маршал», так что прозвище «Груша», хотя и выделялось на общем фоне, но ничем не позорило прозвища предков...

Вернемся же в залу донжона, где Ги «Груша» встречал королевского гонца...

– Мессир Ги де Леви де Мирпуа де Монсегюр и де Ла Гард, прозываемый «Груша»? – Королевский гонец учтиво поклонился.

– Я слушаю вас, шевалье... – Ги де Леви встал из-за стола и подошел к нему. – Прошу вас разделить со мной и домочадцами вечернюю трапезу.

– Благодарю вас, сеньор Ги, – гонец замялся, подбирая слова. Было видно, что он проголодался, но долг, как видимо, был важнее голода. – Его величество Людовик Французский повелел мне доставить вам сие письмо. – Он вынул из небольшой поясной сумки свернутый в трубочку пергамент и, приложив его к сердцу, протянул рыцарю.

Ги принял бумагу, поцеловал королевскую печать, отдавая дань уважения своему сюзеру, и жестом пригласил гонца присесть к столу. Тот коротко кивнул и присел за стол. Слуги быстро положили на тарелку, поставленную перед гостем, большой кусок оленьей ноги, отлично прожаренной с чесноком и специями.

«Груша» сломал печать и пробежал глазами текст письма. Он вздрогнул от неожиданности. Король лично просил его прибыть в Марсель к началу декабря и вступить в армию графа Шарля де Анжу.

Он машинально подошел к своему креслу и сел, продолжая вчитываться в строчки.

Один из рыцарей, сидевший рядом с ним, осторожно спросил:

– Что-нибудь стряслось, мессир?..

– Да, друг мой. Стряслось. – Он не мог скрыть улыбку. – Его величество призывает меня в «шевоше», которое собирается в Марселе...

Гуго, так звали рыцаря Ги де Леви, от радости присвистнул и стукнул кулаком по столу:

– Слава Господу! А то мы засиделись здесь, в глуши! Но, мессир, почему в Марселе? Ведь город подвассален империи! Неужели его величество решился воевать с германцами?..

– Когда прибуду, тогда и узнаю, Гуго... – Он окинул глазами всех собравшихся за столом, улыбнулся и произнес. – Чего же вы перестали кушать? Прошу вас, сеньоры, и вы, мессир гонец...

Молодая жена Ги де Леви, Изабелла де Марли, побледнела и, чуть было, не потеряла сознание от неожиданного известия. Служанки осторожно подняли ее за руки и отвели в детский сектор дома рыцаря. Она была на третьем месяце беременности, но токсикоз и внезапные перепады настроения очень сильно беспокоили женщину.

– Милый, я направляюсь в спальню, где приготовлю тебе горячую воду... – бледная, но очень красивая женщина величаво поклонилась собравшимся рыцарям и, поддерживаемая под руки служанками, медленно удалилась из большой залы.

После свадьбы, состоявшейся в 1260 году, красавица успела родить дочь Амели и сына Жана, о котором старые рыцари, помнившие его грозного деда, Бушара де Марли, говорили, что он очень похож на него.

Ужин прошел в несколько напряженной атмосфере. Молодые пажи Ги стали мечтать о том, что рыцарь их возьмет с собой в качестве оруженосцев, они отличатся в сражении и станут рыцарями, обязательно проявив героизм и спася жизнь короля, никак не меньше...

Гонец с аппетитом доел большой кусок оленины, вытер жирные губы и щеки холстиной, встал и подошел к хозяину стола:

– Мессир Ги, позвольте мне отозвать вас на пару слов...

Ги встал из-за стола и проводил гонца в дальнюю комнату, отделенную от большой залы тяжелой портьерой.

– Слушаю вас, мессир... – Ги старался произнести слова как можно медленнее, чтобы скрыть волнение.

– Его королевское высочество принц крови Шарль де Анжу и де Провен просил передать вам вот это... – гонец протянул маленькую засохшую грушевую веточку.

Ги трепетно принял ее и на глазах недоумевающего гонца прикоснулся к ней губами.

– Это очень важный предмет для меня, мессир гонец... – ответил он, поймав удивленный взгляд.

Гонец поклонился и произнес:

– Это еще не все, мессир де Леви. Король просил передать вам следующее: Шарлю нужен защитник, помощник и... – он замялся, не решаясь произнести последнее слово. Потом, вздохнул и, глядя в глаза де Леви, добавил. – И нянька...

Ги поклонился и ответил:

– Передайте его величеству, что Ги де Леви де Ла Гард и де Мирпуа защитит жизнь и члены его царственного брата...

– Больше и не требовалось услышать. Простите, но мне надо еще сделать небольшой крюк до Каркассона... – гонец поклонился и, сославшись на неотложные королевские дела, собрался покинуть комнату, а вместе с ней и замок.

– Если не секрет, – Ги дотронулся до плеча гонца. – Кто-нибудь еще был оповещен о предстоящем «шевоше»?..

Гонец на секунду задумался, после чего ответил:

– Ограниченное число сеньоров. Кроме вас, мессир де Леви, король повелел мне оповестить и пригласить мессира Филиппа де Кастр. Надеюсь, что вы знакомы с ним...

– Да, конечно. – Ответил Ги. – Мессир де Кастр приходится племянником покойному графу Симону де Монфор, с коим мой дед покорял здешние края.

– О, я, признаться, и позабыл, что вашим дедом был сам мессир маршал де Ла Фо!..

– Ничего, шевалье... – де Леви протянул ему руку. – Удачи...

Гонец пожал руку:

– Благодарю и отвечаю взаимностью...

– Не смею больше вас задерживать...

Через несколько минут Ги услышал цоканье копыт. Гонец и его спутники покидали замок, устремляясь в непроглядную темень осенней ночи.

– Простите, хозяин, когда мы будем выезжать?.. – Молодой оруженосец Пьер не мог скрывать своего радостного возбуждения.

– К началу декабря нам следует прибыть в Марсель к его светлости Шарлю де Анжу и де Провен...

– Матерь Божья! Мы поступаем в войско графа Шарля Храброго?! Какая удача!.. – не смог удержаться Пьер.

– Все, ты мне порядком надоел. – Ги обратился к своим рыцарям. – Мессирсы, я возьму с собой только «ордонансное копье». – Он окинул взглядом своих воинов. Их глаза горели от возбуждения. – Замечу, сеньоры, что я лично отберу воинов и, не обессудьте, если кто-нибудь из присутствующих останется на владениях. Порядок должен поддерживаться, а катары все еще шевелятся, хотя и меньше день ото дня... – Ги переживал, боясь обидеть кого-либо из своих рыцарей, рассчитывавших на участие в реальных боевых действиях и надежде получить лен из рук самого графа де Анжу – брата короля Людовика. – К тому же, как мне стало известно, один из наших фуражных конвоев был разграблен в ущелье, что севернее замка Монсегюр. Да и кто-то должен остаться, чтобы продолжать поиски пропавших сокровищ, исчезнувших из замка перед его сдачей...

Это был тонкий и рассчитанный ход. Ги рассчитывал отвлечь мысли своих воинов, прежде всего, соблазном нахождения легендарных сокровищ, накопленных катарами за пару сотен лет и хранившихся в Монсегюре, замке, считавшемся неприступным.

Рыцари возбужденно зашумели, обсуждая новости и слова их сюзерена.

– Простите сеньоры, не знаю, как вы, а я отправлюсь почивать. Завтра назначаю смотр войск. Я проведу его сразу после утренней молитвы. Спокойной вам ночи, ребята...

ГЛАВА III.

Ночь перед отъездом и смотр отряда.

Замок Мирпуа. Ночь с 10 на 11 декабря 1265г.

Ги прошел по длинной галерее, соединявшей донжон с жилым домом. Слуга шел впереди рыцаря, освещая путь мерцающим светом факела. Причудливые тени ложились на каменную кладку стен, пол и потолок, колышась в такт движениям рыцаря и слуги.

– Спасибо, Огюст. Спокойной ночи. – Слуга поклонился и собирался уйти, когда рыцарь остановил его, добавив. – Передай-ка шателену, чтобы сегодня ограничил выдачу вина ночной страже. Я желаю их увидеть бодрыми, а не серыми и помятыми...

– Будет исполнено, хозяин. – Огюст поклонился и ушел.

Ги открыл дверь в спальню, стараясь не скрипеть петлями. Но дверь, все-таки, предательски скрипнула, выдав его.

– Милый, это ты? – Раздался томный женский голос.

– Да, Изабель, это я, кто же еще... – Ги немного расстроился, что не смог застать ее спящей. – Прибыл королевский гонец. – Он присел на край постели и стал стягивать с себя высокие кожаные сапоги, котту и рубашку. – Купальня, наверно, уже успела остыть?..

Женщина поднялась на постели, тяжелая простыня, прикрывавшая ее тело, сползла к коленям, открывая красивое и точное тело с крепкими грудями, служивших украшением ее красоты и молодости. Едва заметный животик не портил ее, а наоборот, придавал какой-то свой, утонченный шарм. Беременность не уродовала, а красила Изабель, делая ее неотразимой, влекущей и желанной. Ги сглотнул слюну – насколько она была соблазнительна. Она откинула назад свои пышные и длинные волосы цвета воронова крыла и прижалась к широкой спине рыцаря:

– Что-то стряслось, да?

– Да, родная, стряслось... – Ги повернулся к ней, обнял за плечи и, заглядывая в ее бездонные глаза зеленого цвета, прошептал. – Меня отзывает король...

– Я уже слышала... – она пристально посмотрела ему в глаза. – Больше ничего? Ты ничего не скрываешь от меня?..

– Что ты, дорогая... – изумился Ги, обнимая ее за плечи.

– А мне, признаться, показалось, что тебя отзывают из-за того, что ты слишком мягок к еретикам и не гоняешься за ними по горам?.. – забеспокоилась женщина.

– Нет-нет, это не из-за катаров... – Ги нежно поцеловал ее в шею. – Так купальня готова или нет? Мне, скорее всего, завтра выезжать, а я еще не мылся...

– Да готова, готова, – Изабель слезла с постели и, сунув ноги в теплые меховые тапочки, пошла к большой занавеси, разделявшей комнату. – Я уже и сама успела помыться, и воду сменить два раза пока тебя ждала... – Она прошла мимо пылающего камина, который с удивительной красотой прорисовал ее точный силуэт, отодвинула тяжелую гобеленовую портьеру и показала Ги большую круглую дубовую бочку, распиленную пополам, над которой поднимался густой пар от горячей воды. Два больших железных котла висели над камином. В них подогревалась свежая вода. – Иди, я уже все приготвила...

Ги быстро разделся, пробежал по коврам в купальню и плюхнулся в воду, подняв кучу брызг и выплеснув огромное количество воды на каменные плиты.

– Ах, ты, поросенок!.. – засмеялась Изабель, взяла грубую рукавичку, лежавшую в кадке с раствором мыльного корня, и стала тереть тело рыцаря. Красивые груди колыхались в такт с движениями ее тела, заставляя Ги позабыть о последних новостях. Его рука машинально потянулась к ее талии, погладила крепкие и упругие ягодицы, вспотевшие от пара купальни, прошла по внешней поверхности бедра, приятно пощекотав женщину. Она взвизгнула и улыбнулась, обнажая красивые ряды крохотных белоснежных зубов, поправила рукой вспотевшие волосы и убрала их с лица. – Перестань баловаться, дай, я тебя вымою сначала!..

– Ты уже меня вымыла! – засмеялся Ги. – Все сердце мое вымыла от других женщин, оставив только себя... – Он снова провел рукой по ее бедру и, скользнув между ног, осторожно коснулся треугольничка густых и жестковатых кучерявых волос, прикрывавших лобок Изабель. Она ойкнула и попыталась отстраниться, но палец Ги уже проник в ее горячее и зовущее лоно и замер в нем на несколько секунд. – Все! Я тебя поймал на крючок, моя рыбка...

Изабель наклонилась к нему и поцелуем обожгла его сердце. Ее сладкое и прерывистое дыхание возбуждало рыцаря, а горячий и возбужденный язычок, скользивший по его губам во время поцелуя, закружил голову Ги. Он нежно коснулся пальчиком небольшого бугорка, выступавшего над входом в лоно. Изабель страстно выдохнула, но не отодвинулась от его руки, а наоборот, второй рукой прижала его палец к себе, стараясь надавить сильнее. Ги немного приподнял голову и провел язычком по возбужденным соскам Изабель, которые подрагивали и твердели от его нежных прикосновений.

Ги обнял ее и потянул к себе, намереваясь уронить в купальню. Изабель игриво сопротивлялась, изгибаясь своим телом, словно грациозная кошка, но не противилась желаниям рыцаря. Точное тело Изабель, покрытое небольшими жемчужинами пота, с шумом и плеском

повалилось в большую купальню, выплеснув множество брызг, заискрившихся в свете горящего камина.

– Безобразник! Как был в детстве хулиганом и безобразником, так и остался!.. – засмеялась она, целуя Ги в губы. Она покрыла его лицо, шею и плечи поцелуями, подрагивая от возбуждения и томившего ее желания. – Тебе скоро сорок стукнет, а ты все еще ведешь себя, как мальчишка...

– А мне это не мешает... – смеясь, ответил Ги, лаская Изабель по плечам и груди своими сильными руками. – Состариться и покрыться плесенью я еще успею, не переживай!..

Она придвинула свое лицо к его лицу и пристально посмотрела в глаза. Её расширенные зрачки проникали внутрь сознания рыцаря, уносили в край, неведомый, полный наслаждения, неги и спокойствия.

– Скоро ты уедешь и оставишь меня одну в этой дикости и глуши... – она поцеловала его долгим и страстным поцелуем. – Только не говори мне, пожалуйста, что это не так...

– Что бы ни случилось, Изабель, ты останешься навсегда в моем сердце... – Ги обнял ее и усадил себе на живот. Она гладила руками его мощные плечи и, закрыв глаза, еле слышно шептала что-то приятное для слуха рыцаря. – Ты как моя законная супруга останешься жить в замке, будешь управлять землями и командовать нашими гарнизонами...

– Да? – Возмутилась она и открыла глаза, обиженно посмотрев на него. – Ты предлагаешь мне командовать твоими грубиянами-рыцарями, у которых что ни слово, то нецензурная брань?! Командовать этими разбойниками, все отличие которых от еретиков заключается в том, что они носят кресты на шеях!..

– А что в этом плохого?.. – Ги решил немного поиграть с ней, разыгрывая роль протачка. – Не отправлять же тебя домой к твоей маме...

– Да ты издеваешься надо мной! – Глаза Изабеллы стали наполняться слезами. Она часто-часто заморгала глаза, пытаясь сдержаться, но это у нее не получилось. – Какой же ты подлец!..

– Изабель, милая моя, перестань плакать, я просто пошутил... – он попытался успокоить женщину, покрывая поцелуями ее глаза, щеки и губы. Солоноватый привкус слез, смешанный с нежным и дурманящим запахом кожи Изабеллы, был настолько приятен на вкус, что у Ги начала кружиться голова. – Глупая, я же еще даже и не уехал. Я даже не знаю, поеду ли вообще...

– Ты что – с ума сошел?! – Изабелла вмиг перестала плакать и, оттолкнувшись от его рук, посмотрела на рыцаря сверху вниз. – Нельзя допустить такую глупость! Приказы сюзерена не обсуждают и не игнорируют...

– А я вот возьму, да не поеду! – Ги начал шутить с ней, разыгрывая из себя упряма. Ему нравилось наблюдать за ней в моменты, когда она возбуждалась. Изабель с недоумением посмотрела на него. Ги улыбнулся и ответил. – Пошутил...

– Слава Богу... – выдохнула она. – А то, признаться, подумала о том, что ты с ума сошел, отказывая королю...

– Да, если честно сказать, – Ги виновато пожал плечами, – этот вызов требует меня не к королю, а в войско его младшего брата...

– Его светлости Шарля «Хулигана»?.. – удивилась она. – Бог мой, что это он задумал?..

– Пока не знаю. Только то, что сбор армии назначен на декабрь в Марселе... – ответил Ги де Леви. – Может быть, он собрался воевать с германцами, чтобы перенести свой оммаж к своему старшему брату...

Он выпустил Изабель из своих объятий. Она встала и вылезла из купальни, взяла большую простыню и, завернувшись в неё, подошла к кровати и легла. Ги облился прохладной водой, вылез следом за ней и стал обтираться льняными полотенцами. Его тело разогрелось, каждая мышца ощущала прилив теплоты и сил, толкая его к ложу, туда, где лежала его любимая.

– К тебе можно, мой сладкий зайчик?.. – он игриво заглянул в ее бездонные глаза. Она молча улыбнулась и погладила его рукой по волосам, все еще мокрым после купания. Ги быстро забрался под простыню и, поцеловав ее долгим и страстным поцелуем, спросил:

– Изабель, скажи, а почему у всех «горькие зайчики», а у меня «сладкий»?..

– Перестань баловаться, шалун... – засмеялась она и прижалась к нему своим разгоряченным телом...

На утро, после молитвы, Ги проводил смотр своего гарнизона, намереваясь отобрать с собой в поход только самых надежных и проверенных воинов. Гарнизон, которым командовал шателен, выстроился во внутреннем дворе замка. Молодежь, старательно начистив амуницию и оружие, нервно переступала с ноги на ногу и перешептывалась, с трудом скрывая возбуждение, вызванное вчерашним визитом королевских гонцов, доставивших неожиданный вызов в армию. Рыцари постарше деловито разговаривали с шателеном, уверенные в том, что их реальный боевой опыт наверняка послужит им пропуском в отряд их сеньора.

Ги вышел из часовни, где он исповедался местному священнику, и кивнул шателену. Тот громко выкрикнул команду на построение. Четкие и слаженные действия воинов понравились рыцарю, который улыбнулся, но не проронил ни единого слова. Он молча прошелся перед рядами воинов, молча осматривая вооружение и внешний вид воинов, кое-где поправил ремни, удручающе покачал головой, заметив на наконечниках копий у трех молодых воинов ржавчину, после чего развернулся и, выйдя на середину строя, громко произнес:

– Ребята! Король повелел мне убыть в Прованс на соединение с армией графа Шарля де Анжу, которая собирается в Марселе! Дальнейшие цели и задачи мне, к несчастью, неизвестны! Исходя из того, что его светлость Шарль не является моим сюзереном, я, повинуюсь приказу короля, сегодня же выеду из замка, захватив с собой лишь одно полное копьё! – Он пробежал глазами по рядам воинов. – Возьму только надежных и проверенных рыцарей, самых лучших стрелков и самых выносливых слуг, включая оруженосцев и конюших! Каждому воину приказываю подготовить по четыре коня!.. – Гарнизон оживленно загалдел.

Ги удивленно посмотрел на шателена. Тот вмиг сообразил и, развернув голову к воинам, громко крикнул:

– Разговоры в строю! Ух, я вас, обормотов!.. – шателен сдобрил свою фразу богатым потоком нецензурины.

Воины гарнизона примолкли и подравняли свои ряды. Ги, дождался тишины и сказал:

– Из строя выходят мессеры Оноре, Гуго, Шарль и Рауль, прошедшие со мною кампанию в Эно! Мессеры, выберите сами оруженосцев и конюхов!.. – рыцари улыбнулись и вышли из строя, окидывая горделивыми взглядами остальных воинов, оставшихся стоять в строю. Ги снова пробежался глазами по воинам. – Жан, Пьер, Диего и Жак, – он отобрал умелых арбалетчиков, знавших толк в осадных машинах, – вы тоже едете со мной! Десятикратный запас арбалетных болтов, зимнюю и теплую одежду получите в арсенале! – Он кивнул в сторону небольшого каменного строения, чей угол виднелся из-за конюшен. – Шателен! Подготовьте провизию в дорогу, да по четыре коня на каждого воина...

– Будет исполнено, хозяин... – шателен поклонился.

Ги довольно покачал головой и добавил, адресуя ему свои слова:

– Жан, извольте принять командование гарнизоном замка, дистриктом и всеми землями! Прошу вас помогать моей супруге Изабелле во всем...

– Не извольте беспокоиться, мессир Ги... – Жан поклонился. – Земли, замки и имущество будут исправно содержаться, а подати и налоги сдаваться вашей супруге Изабелле...

– Спасибо, я и не сомневался... – Ги похлопал его по плечу. – Прикажи перековать моего белого *декстриера*-иноходца, его я возьму с собой...

– Каких еще лошадок изволит ваша милость?..

– Для меня подготовь трех фламандских першеронов. Они крепкие, выносливые и вытерпят морозы, если что...

– Так они уже готовы, ваша милость! Я еще вчера, как только увидел королевских гонцов, так тут же и приказал кузнецам перековать всех коней... – Жан осклабился щербатой улыбкой. – Слава Богу, но за замком я смотрю в оба!..

– Вернусь из шевоше, если Бог даст, подумаю о том, чтобы выделить тебе *лен*... – словно вскользь обронил Ги де Леви. На самом же деле этой своей фразой он приковал Жана к замку. Теперь он будет, словно сторожевой пес, денно и ночью сторожить владения, не позволяя пропасть не только истершемуся *денье*, но и лишнему колоску пшеницы. – Готовь колонну к маршу. Я поднимусь наверх и попрощаюсь с женой...

Он стрелой влетел на второй этаж, пробежал по коридору и распахнул двери спальни. Изабелла мирно спала, свернувшись калачиком на широкой кровати, накрытой балдахинном. Простыня сползла, обнажив роскошный зад и одну ногу. Шикарные волосы разметались по подушкам, словно огромное разливанное море.

Ги улыбнулся, крадучись подошел к постели и, осторожно присев, нежно поцеловал спящую жену. Изабель нежно проворковала во сне и, не открывая глаз, обняла его...

Колонна вышла из замка с задержкой в три часа. Рыцари понимающе переглянулись, увидев своего сеньора, выбежавшего из дома и торопливо поправлявшего одежды...

ГЛАВА IV.

Большой сбор войск в Марселе. Встреча с Шарлем де Анжу.

Марсель. Графство Прованс. 10 декабря 1265г.

Город и порт Марсель – столица графства Прованс буквально кишел разномастной публикой, наводнившей всю близлежащую округу. *Рыцари-башельеры*, знатные и родовитые *сеньоры-баннереты*, наемники из близлежащих немецких и итальянских княжеств, в подавляющем большинстве пикинеры или арбалетчики, выходцы из Брабанта, Фландрии и Эно, цокающие испанцы, жужжащие португальцы встречались на всем пути следования небольшого, но прекрасно экипированного отряда. Под родовым флагом, на котором по золотому полю шли три черных стропила, на белом иноходце ехал сам предводитель отряда – мессир Ги де Леви де Мирпуа де Монсегюр и де Ла Гард по прозвищу «Груша».

Наемники с интересом разглядывали коней, сбрую и вооружение рыцарей, понимающе кивали головами и провожали отряд завистливыми взглядами, грустно вздыхая о том, что у них нет таких же коней или вооружения.

Разномастная толпа уже порядком задергала местное население, грабя и орудуя по округе, дело дошло до того, что городская делегация во главе с *эшевеном* Марселя в вежливой, но резкой, форме попросила графа Шарля, по возможности, как можно скорее уводить свою армию за пределы графства или, на худой конец, городского дистрикта. Шарль де Анжу молча выслушал делегатов, с большим трудом подавил в себе приступ гнева, покраснел до багровости, но признал правоту требования и пообещал покинуть город и графство до конца недели. Но для начала, чтобы не сильно раздражать торговцев и горожан (ведь Марсель, как-никак, а столица его графства и ему еще придется жить в нем) Шарль приказал всем войскам покинуть город и разместиться на огромной поляне, примыкавшей к городу и порту с востока. Время было зимнее, но погода стояла терпимая, если не считать мерзких дождей, зачастивших, как назло, с первого дня переезда.

Слуги поставили большой шатер, наладили дымоход и соорудили походный очаг – нечто среднее между камином и открытым костром. Шарль, для вида, бодрился, ходил между палатками и про себя отмечал, какие из прибывших сеньоров имеют представление об организации походного лагерного быта, а какие нет. Большого ума при этом не требовалось. Достаточно

было посмотреть, на возвышенности ли стоит палатка рыцаря, вырыт ли отток воды, засыпана ли площадка и так далее...

К концу недели, скрепя сердцем, Шарль был вынужден отправить восвояси и отказаться от услуг (подбирая, по возможности, наиболее деликатные выражения) нескольких десятков сеньоров, у которых кроме чванства и титулов не было никакого мало-мальски военного и походного опыта. Войско редело, но толпы искателей приключений все прибывали и прибывали.

– Гоше, как там дела? – Шарль протянул замерзшие руки к огню камина и повернул голову к высокому и худощавому рыцарю. – Каков приход?..

Гоше де Белло, исполнявший обязанности казначея и счетовода графа, развернул кожаный свиток и, быстро пробежав его глазами, ответил:

– Сир, прибыло двести восемнадцать воинов, в основном пехотинцы, из них только семьдесят девять вооружены и экипированы полностью, у остальных... – он скривился и обреченно махнул рукой.

– Понятно... – Шарль сам налил вина и, взяв серебряный кубок в руку, поднес к губам и стал пить большими и жадными глотками. Было видно, что он устал и выглядел измотанным. – Сколько прибыло сеньоров?..

– Пятьдесят башельеров, да восемь баннеретов со своими копьями. – Гоше положил свиток и без разрешения налил себе вина. Он посмотрел на графа. Шарль немного отогрелся и теперь сидел, вытянув ноги, обутое в высокие испанские сапоги, к огню походного камина. – Трех, судя по всему, придется отправить обратно, сир...

– Опять... – грустно и тяжело вздохнул граф и снова глотнул вина. – Бог мой, как мне уже надоело все это безобразие! И надо же, бес попутал, согласился на уговоры этого проходимца Ги де Фуко и вот, на тебе, сижу тут в грязи и холоде! Даже войско приличное не соберешь...

– Зато у оставшихся пятерых баннеретов отряды просто на загляденье, сир... – вставил каплю меда Гоше. – И рыцари толковые, сразу видно, что кутилье они умелые, да и арбалетчики сноровистые, поговаривают, что даже знают толк в осадных машинах и прочих инженерных тонкостях!..

Шарль оживился, услышав приятные слова. Он поднял голову и посмотрел на Гоше:

– Врешь, небось? Хочешь успокоить меня, разбойник?..

– Вот тебе крест, сеньор! – Гоше перекрестился. – У одного рыцаря, так вообще, люди имеют опыт осады и штурма горных замков!..

– Иди ты! – Шарль чуть не вскочил со стула. Сердце его вздрогнуло и сжалось. – Горных замков, говоришь?..

– Да, сир. Он и его люди осаждали Монсежюр!.. – гордо ответил Гоше, понимая, что сейчас он так обрадовал своего хозяина, что просто слов нет.

– Монсежюр?! Последний оплот катарской ереси?! Насколько я помню, осадой командовал мессир Гуго де Арси – королевский сенешаль Каркассона. Уж не он ли встал из могилы, чтобы прийти мне на помощь?.. – Шарль перекрестился, хотя и с улыбкой на губах.

– Нет, сир, к счастью, это не он. Это, прошу прощения, нынешний сеньор этого замка и окружающих земель...

– Граф де Фуа? Не поверю никогда... – Шарль снова становился грустным и задумчивым.

– Нет, сир. Это не граф де Фуа. Это мессир Ги де Леви... – Гоше запнулся и для верности заглянул в свою шпаргалку, где были записаны имена и титулы знатных сеньоров, прибывших в армию графа Шарля. – Это мессир де...

– Мирпуа, Монсежюр и де Ла Гард! – Громко перебил его Шарль, вскакивая со стула. – Матерь Божья! Счастье то, какое! Зови его немедленно! Предоставить ему самое лучшее место, лучше всего, если оно будет рядом со мной!..

Гоше виновато пожал плечами и ответил:

– Сир, вышеназванный сеньор уже поставил палатки на холме к югу от вашей палатки. Это, если не ошибаюсь, около пятисот *туазов* от нас. Я хотел, было, предложить ему место поближе к центру армии, но мессир Ги отказался, сославшись на чрезмерную грязь и вонь, что стоит в лагере. Так и сказал: Неровен час, начнется зараза какая-нибудь...

– Узнаю «Грушу», он, разбойник, совсем не изменяет своим привычкам! – Шарль поднял голову и, улыбаясь своей редкой искренней улыбкой, сказал. – Что ты стоишь? Беги за ним! Тащи его ко мне, только, вежливо!..

– Не понял, сир. – Гоше переспросил у графа. – Мессир «Груша» в моем списке не значится...

– Ох, Господи... – вздохнул Шарль. – Грушей я зову мессира Ги де Леви. Это мой старинный приятель и побратим...

– Простите, не знал... – де Белло поклонился. – Я бешу за ним...

– Как стрела... – подвел итог Шарль и довольно потер руки. – Захвати по дороге мессира вице-маршала и коннетабля Адама де Фурра, а также не забудь о мессире Анри де Бар и Филиппе де Кастр...

– Вы имеете в виду Филиппа де Монфор-Кастр? – Поправил, для порядка, Гоше.

– Да, его самого! – Шарль укоризненно посмотрел на него. – Наш старый Филипп не любит, когда вспоминают его фамилию. Лишние напоминания о том, как его семья владела всем югом Франции и сама же просрала все земли, оставив лишь жалкие крохи, очень раздражают старика Филиппа. Зови его де Кастр, понял?..

– Отчего же не понять, сир...

– Да! Чуть не забыл, пригласи-ка еще сеньоров де Сен-Мара, де Три, де Бриенна, де Шамбли и моих анжуйцев де Монморанси-Лавалья и Бушара де Вандома, сеньора де Лаварден...

– Понял, сир...

– Беги, понятливый ты мой... – Шарль зевнул. – Постой-ка! Пригласи братьев де Бомонов и графов Вандомских! Короче, всех зови!

Встревоженный Гоше де Белло успел оповестить всех командующих и побежал к самому краю огромного лагеря. Он застал Ги де Леви сидящим возле своей палатки. Рыцарь успел разоружиться, и был в гамбезоне, расшитом желто-черными полосами цвета своего герба, длинной меховой накидке и плотном кожаном чепце, прикрывавшим голову от ветра. Гоше передал просьбу графа де Анжу. Ги улыбнулся и пошел за ним, на ходу перепрыгивая через грязные зловонные лужи и ноги воинов, торчащие из-под шалашей и навесов. Когда он вошел в палатку графа, там уже собрались все предводители армии, которой предстояло вскорости выдвигаться к Риму и южной Италии.

– Матерь Божья! Ги! Ты совсем не изменился!.. – Шарль вскочил со стула и, широко расставив руки, бросился к вошедшему рыцарю.

Они обнялись, после чего Ги встал на одно колено и произнес:

– Ваша светлость! Я, Ги де Леви де Мирпуа де Монсегюр и де Ла Гард, прибыл по приказу его величества в ваше полное распоряжение! Со мной полное рыцарское копье, каждый кутилье которого обеспечен двумя парами коней, амуницией и провизией на сорок дней службы! – Ги встал с колена и поклонился графу.

– Вот! Все бы так, как он! – Шарль с нескрываемой гордостью кивнул на рыцаря, пеняя своим командирам. – А то его святейшество прислал мне письмо, где имел наглость указать мне о количестве коней, должных быть у каждого сеньора... – Адам де Фур смущенно опустил глаза и стал тихо перешептываться с Монморанси-Лавалем. – Граф удовлетворенно кивнул головой и, указав Ги де Леви место за общим столом, сел на стул.

Он расправил плечи, покрутил головой, хрустя шейными позвонками, развернул самодельную карту и заговорил:

– Полагаю, сеньоры, что вы уже в курсе нашей кампании. Тем же, кто еще не знает, я сообщу, что мы направляемся в Рим, где меня ожидает папа Римский Климент и... – он замолчал и с гордостью окинул собравшихся сеньоров. – Корона Неаполя!..

Советники зашумели, оживленно обсуждая эту неслыханную новость. Ги, признаться, тоже был шокирован услышанным известием.

«Вот это новость... – подумал он. – Шарль, наконец-то, станет королем. Как же он мечтал в детстве о короне и с грустью говорил, что ему, как самому младшему в семье, не светит ничего кроме графской короны. А тут, поди-ка, настоящее королевство...»

ГЛАВА V.

Военный совет.

Палатка Шарля де Анжу. 10 декабря 1265г. Вечер.

Граф Шарль наслаждался минутой торжества. Ах, как же долго он ждал ее! Советники и сеньоры возбужденно галдели, шумели, сравнивая его с великим Гильомом Завоевателем, а себя с его спутниками, которые, вот так же, по настоянию и с разрешения папы Римского переплыли море и покорили Англию. Теперь, к счастью, никакого моря, вроде бы, переплывать не требовалось, а надо было просто перейти горы и захватить страну, раздираемую анархией и гражданской войной.

Ги де Леви увидел, как граф кивнул ему, указывая на стул, и присел. Он был и сам под впечатлением от услышанного. Место, предназначенное для него графом, располагалось между Филиппом де Монфор-Кастр и Ги де Монморанси-Лаваль. Они приветливо поздоровались с ним, причем, к радости Ги де Леви, Филипп де Монфор-Кастр, которому недавно исполнилось шестьдесят лет, сам заговорил с ним и напомнил о том, что их предки бились плечом к плечу под знаменами его славного дяди и отца. Ги ответил тем же, ответив, что именно благодаря его великому дяде его семья и стала владелицей богатой и обширной сеньории Мирпуа. Тут, правда, де Леви пришлось напрячься, чтобы подобрать слова, но такие мягкие и расплывчатые – он прекрасно понимал деликатность общения с *племянником великого полководца, лишившимся всего из-за бестолковости прямых наследников Симона де Монфора.*

Шарль тем временем дождался, пока оруженосцы не развернут карту и пока сеньоры успокоятся, деликатно прокашлялся, давая понять, что пора заканчивать болтовню и сосредотачиваться на делах. Военный совет притих и с интересом уставился на графа, приготовившись слушать.

– Мессире, я пригласил вас, – он окинул взглядом сеньоров, – на наш первый военный совет, если так можно назвать сегодняшнее собрание. Суть дел такова: новый папа Римский Климент, многие его отлично знают под именем Ги де Фуко – исповедника короля Людовика и моего брата, – Шарль не упустил момента снова показать всем, что он королевский брат и принц крови, пусть и младший в семье. – Так вот, сеньоры, его святейшество Климент предложил мне принять корону Неаполя и вернуть мятежные земли под сень нашей святой католической церкви. Многие из вас были со мной в Риме на этой торжественной церемонии и знаете, насколько я серьезно отношусь к этому делу. Манфред, этот наглый бастард покойного императора Фридриха, так разошелся в своих «целованиях» с остатками мусульман, что совсем потерял стыд, совесть и, я не побоюсь этого слова, Господа в своем сердце! – Советники притихли, внимательно вслушиваясь в слова графа, которого все считали немногословным и, по большей части, молчуном. А тут, такая речь!.. Граф Шарль едва заметно улыбнулся и подмигнул Ги де Леви, который немного растерялся, находясь в компании таких известных и знатных сеньоров королевства. Например, мессир Ланселот де Сен-Мар был маршалом Франции, Пьер де Шамбли был *шамбелланом* королевства, а граф Жан де Бриенн, сверстник Шарля, к моменту похода три года как был *бутелье* короны. Чего уж было говорить о самом Жиле де Лебрене – коннетабле Франции! От имен, титулов и должностей сеньоров голова могла почти кругом! Волей-неволей, а растеряешься в такой компании. – Наша задача, для начала, проста. –

Шарль немного понизил голос, заставляя сеньоров прислушиваться к его речи. – Мы проходим северные земли Италии, по возможности, сильно не безобразничаем, нанимаем во Флоренции рыцарскую конницу, я знаю, что у них прекрасные наемники, которые, к тому же, с молоком матери впитали ненависть к гибеллинам и Фридриху с его потомством, заходим в Рим, немного приводим его жителей в сознание... – Дальше нет смысла пересказывать всю длинную речь графа. Замечу лишь, что многие сеньоры согласно кивали головами, но у некоторых из советников возникали вопросы, на которые графу предстояло ответить. – Самое проблемное место нашей кампании – это преодоление срединного горного хребта, прикрывающего Апулию и Неаполь от севера. Там всего два дорогах, более или менее приличная для быстрого прохода большой армии, но ее прикрывает мощный замок Арче...

– Ваше высочество, – слово взял шестидесятилетний Филипп де Кастр, – нам надобно поставить крепкого и грамотного предводителя над наемной пехотой. – Он посмотрел на сеньоров, находя в их глазах понимание, снова перевел взгляд на Шарля и добавил. – Нужен жесткий, если не сказать – жестокий, начальник, который должен будет поставить железную дисциплину и кого бы уважали сами наемники!

Шарль задумался, ему понравились слова опытного воина. Он посмотрел на советников и, переведя взгляд на Филиппа, ответил:

– Вот вы, мессир Филипп, и возглавите командование сводными частями пехоты... – Филипп, естественно, не ожидал такого решения и начал протестовать, но несколько вяло и, в конце концов, согласился, попросив себе в помощники мессира Матье де Три – графа де Даммартена. Граф попытался сопротивляться такому решению, но, наткнувшись на железный взгляд Шарля, согласился.

– Теперь, совсем другое дело... – Филипп потер руки от удовольствия.

– Так, с пехотой мы, слава Богу, разобрались. – Шарль почесал ухо. – Конницу графства Анжу я попрошу принять вас, мессир де Вандом и вас, мессир де Лаваль! Вы составите вторую *баталию*... – он поймал их недоумевающие взгляды и добавил. – Присоедините к анжуйцам всех северных сеньоров, что прибыли или еще придут в шевоше! – Бушар де Вандом и Ги де Монморанси-Лаваль молча встали и поклонились графу, выражая согласие и подчинение его воле. Шарль посмотрел на оставшихся сеньоров, остановился на Пьере де Шамбли и Жане де Бриенне и сказал. – Высокородные сеньоры, я прошу вас принять командование тылом и фуражирами. Понимаю, что дело тяжелое и ответственное, но, поверьте, я не могу это доверить никому, кроме проверенных в деле воинов. А вас мне рекомендовал мой старший брат Людовик...

– Да будет так, ваше высочество... – ответил Жан де Бриенн. – мы, слава Богу, давно знакомы с мессиром де Шамбли, так что нам не составит труда найти общий язык в управлении тылом армии... – Он посмотрел на сеньора де Шамбли. – Верно, я говорю, а, Пьер?..

– Вернее некуда, Жан... – засмеялся де Шамбли, обрадованный тому, что его назначили в тыл, а не на баталию. – Управимся, куда они денутся...

Шарль де Анжу и де Провен засмеялся. Было видно, что у него отличное настроение. Он хлопнул в ладоши и сказал:

– С тылом и фуражирами разобрались. Ой! Чуть не забыл, – он посмотрел на де Шамбли и де Бриенна. – К вам отходит мой помощник, мессир Гоше де Белло. – Они недоверчиво покосились на графа. Тот улыбнулся и добавил. – Он не станет лезть в командование и мешать вам, сеньоры. Мессир де Белло мой казначей. Касса шевоше находится у него...

– А-а-а, другое дело. – Ответил Пьер де Шамбли.

Ги де Леви молча слушал и наблюдал, как Шарль назначал сеньоров. Сам он, естественно, и не претендовал на командование, если быть справедливыми, даже не рассчитывал.

– Феодалную конницу графства Прованс я беру под свое личное командование и объявляю центральной баталией. – Флаг шевоше и вексиллум, который мне вручит папа Климент, буду находиться со мной...

Вице-маршал графа де Анжу, мессир Адам де Фурр, напомнил графу:

– Сир, вы забыли о флорентийской коннице. Насколько я помню, у нас хватит денег только на четыреста стальных шевалье, да и то, на два или три месяца кампании...

Шарль ударил себя по лбу и воскликнул:

– Вот-вот! О самом главном я и позабыл! – Он посмотрел на Ги де Леви. – Флорентийских шевалье примите вы, мессир де Ла Гард! – Шарль поймал обескураженный взгляд Ги де Леви. – Для того чтобы они не ворчали, я стану назвать вас де Мирпуа! Это, я надеюсь, напомнит им о том, кто над ними командует!

– Ваша светлость, – запротестовал Ги де Леви, – мне кажется, что моя персона не столь известна, нежели, к примеру, мессир де Сен-Мар! Мой род, конечно, известен, но по сравнению с благородным маршалом де Сен-Маром...

– Мессир маршал де Сен-Мар прислан ко мне моим братом-королем не для того, чтобы командовать армией. У него, как бы это выразиться, несколько иная задача. Так что, хочешь ты или не хочешь, а командовать флорентийцами придется именно тебе, друг мой «Груша»... – Шарль развел руками, давая понять, что разговор и споры закончены.

– Слушаюсь, сир... – Ги встал и преклонил голову.

– Вот и отлично! Флорентийцев я оставляю в резерве. Ваша задача привести их в сознание, привить нормальную дисциплину, если это можно применить к взбалмошным и эмоциональным итальянцам. Стоять будете в резерве. Вы – моя последняя надежда и мой реальный шанс на корону «Обеих Сицилий»! Если, не приведи нас Господь, Манфред и его свора разорвет наши баталии... – граф перекрестился и трижды плюнул через левое плечо (остальные сеньоры повторили за ним все эти процедуры). – Только ты и твои итальяшки смогут спасти нас и дать уйти живыми...

– Я исполню свой долг, ваша светлость. Никто и никогда не сможет упрекнуть меня и моих потомков... – Ги де Леви вышел из-за стола и, подойдя к графу, преклонил колено.

– «Груша», в твоих руках судьба моей короны... – Шарль наклонился и шепнул эти слова на ухо рыцаря.

– Можешь начинать тренировать шею, Шарль... – также тихо ответил ему Ги де Леви.

– Для чего? – Удивился и не понял слов рыцаря граф.

– Для короны «Обеих Сицилий». Она-то, небось, тяжелая?.. – засмеялся Ги.

В это время к графу незаметно подошел молодой и светловолосый рыцарь, который что-то украдкой шепнул ему на ухо. Шарль буквально изменился в лице, побледнел и прикусил губу. Потом, правда, быстро привел себя в порядок, напустив на лицо беззаботно-спокойное выражение. Он перехватил взгляд Ги де Леви и представил рыцаря:

– Прошу любить и жаловать. – Он повел головой в сторону рыцаря. – Мессир Лука де Сент-Эньян. Он отвечает за мою личную безопасность. – Лука натянуто улыбнулся, сохраняя сосредоточенные глаза и выражение лица. Шарль, чтобы успокоить своего главного телохранителя, представил ему своего собеседника. – Мессир Ги де Леви де Мирпуа де Монсегюр и де Ла Гард по прозвищу «Груша», мой друг детства. Кстати, Лука, я тебе о нем рассказывал...

Глаза Луки вмиг потеплели, он улыбнулся, на этот раз, искренно и протянул руку Ги де Леви.

– Друг его светлости – мой друг. Прошу вас не стесняться и располагать мною в любое время...

– Благодарю вас, де Сент-Эньян, это слишком большая честь для меня – скромного шевалье... – ответил на взаимность взаимностью де Леви.

Лука пожал ему руку и добавил:

– Для командующего флорентийскими рыцарями и резервом вы слишком скромны. Это, честно говоря, приятно слышать в наше время...

Шарль понял, что знакомство состоялось и прошло так, как и положено, спокойно выдохнул и, обращаясь к предводителям шевоше, произнес:

– Сеньоры командующие, не смею больше вас задерживать. Мы выступаем завтра рано поутру, сразу после молитвы...

Присутствующие встали, поклонились и, о чем-то переговариваясь между собой, стали покидать палатку графа. Ги собрался тоже уходить, но Шарль придержал его за руку и тихонько сказал:

– Груша, не уходи, ты мне понадобишься...

– Зачем?..

– Так, дело одно намечается. Составишь мне компанию, только, умоляю, вооружись и никому ни единого слова. – Граф пристально посмотрел на де Леви. – Никому. Понял?..

– Конечно, не дурак... – Ответил ему де Леви и пошел к выходу из палатки.

– Жду тебя через *одну смену стражи*. – Шарль выглянул из палатки. – Прекрасно! Они только сменились! Не опаздывай...

Ги вышел из палатки, с удовольствием потянулся, расправляя затекшие плечи, похрустел шейными позвонками и направился через весь лагерь, держа путь к своей палатке, стоявшей на юго-восточной окраине этого гигантского человеческого муравейника.

Рыцари, оруженосцы и стрелки уже закончили оборудование небольшого загона для коней, расставив палатки вокруг него. Это было необходимо, ведь завистливые взгляды, которыми их встречали и провожали наемники, заставляли задуматься о необходимости обеспечить сохранность лошадей.

Оноре, Шарль и Рауль сидели возле костерка и жарили на мечях большие куски телятины. Гуго сегодня ночью отвечал за караулы. Он прогуливался с оруженосцем и конюшим по кругу, обходя палатки отряда.

Ги поздоровался с ним и спросил о том, как они разместились.

– Нормально разместились, бывало и хуже... – пожал плечами Гуго, – правда, нас сильно беспокоят вон та группа брабантцев, – он указал рукой на большую кучу палаток, навесов и шалашей. – Уж больно они цокали языками, когда мы проводили своих коней к реке на водопой. Как бы они чего не удумали сегодня ночью...

– Не удумают... – ответил Ги де Леви. – Командующим всей наемной пехотой и арбалетчиками назначен мессир Филипп де Кастр. Он-то не даст им баловать!..

– Ух, ты, племянник покойного графа Симона! Пойду ребятам расскажу... – ответил Гуго и собрался бежать к товарищам по отряду.

– Постой-ка, Гуго, это еще не все новости... – Ги схватил его за рукав кольчуги. – Ты не знаешь самую главную новость – меня назначили командующим флорентийской конницей и общим резервом графа де Анжу...

– Матерь Божья... – Гуго даже рот открыл от неожиданности. – Это, что же, мы всю войну в тылу просидим? Даже свои мечи «красненьким не попотчует»?

– Сдается мне, Гуго, что наши мечи не успеют заржаветь без дела. Я окинул быстрым взглядом шевоше графа и смог насчитать только два нормальных отряда: анжуйскую конницу и всадников из Прованса, которых граф сам поведет в бой. Остальные, боюсь, годятся только для мародерства, да разграбления незащитных... – Ги брезгливо поморщился. – Думаю, что если мы начнем осаду какого-нибудь мало-мальски нормального городка, они разбегутся в разные стороны, словно зайцы и станут только портить все дело, да мешать... – Он вздохнул и отпустил Гуго, а сам пошел к своей палатке, чтобы переодеться и вооружиться.

Ги крикнул оруженосцев и слуг, приказывая им принести оружие и остальную амуницию, а сам быстро прошел к себе и разделся, сбросив парадную котту и рубашку. Оруже-

носцы помогли рыцарю надеть выбеленную полотняную рубашку «шэнс», называемую также и «камизэ», и короткие, чуть ниже колен, штаны «брэ». Поверх брэ, оруженосцы надели длинные чулки «шосс», натягивающиеся отдельно на каждую ногу и крепившиеся тонкими ремешками к пояску брэ. Шоссы соответствовали желто-черному цвету родового герба и были выполнены в виде чередования черных и желтых полос. Утилитарность многих одежд Средних веков еще не имела четкого деления на постельные, домашние или боевые одеяния. Сверху камизэ оруженосцы надели рубаху-камзол «блио», часто схожую с длинным камзолом-коттой. Блио было также выдержано в цветах рыцаря, но богаче и искуснее расшито возле ворота, груди, подола и рукавов, которые были длинными, могли расширяться, и снабжались ремешками, позволявшими стягивать их при надевании боевого камзола-гамбезона. Слуга помог де Леви надеть высокие сапоги из мягкой кожи, доходившие почти до колен рыцаря, и прикрепил золотые шпоры. На сапогах, в районе щиколоток, располагались ремешки, которыми голенище шнуровалось, они завязывались возле верха раструба и удерживались на ноге воина. Ги де Леви решил не надевать гамбезон, ведь он находился в укрепленном лагере и не собирался в ближайшее время принимать участие в каком-либо боестолкновении. Оруженосец надел ему через голову тонкую итальянскую кольчугу, склепанную из тысяч мелких стальных колечек и сюркот желтого цвета с вышитым родовым гербом, подпоясал широким, богато инкрустированным золотым шитьем, поясом, прикрепляя к нему кинжал с широким лезвием, и подал меч, висевший в ножнах на длинной перевязи, надеваемой через голову и плечо.

Ги надел две золотые цепи на шею, одна из которых символизировала его благородное происхождение, а вторая указывала на его должность сенешаля и маршала южных границ Тулузена и Фуа. Он немного повертел головой, разглядывая себя, довольно крикнул, оставшись довольным своим видом, и вышел из палатки с непокрытой головой.

Смеркалось. Небо озарялось первыми робкими звездами, которые словно воровато и стеснительно проглядывали на бархатной синеве темнеющего небосвода.

Ги попрыгал, повертелся из стороны в сторону, проверяя удобность одежд, надел маленькую войлочную шапочку-чепец и натянул на голову капюшон кольчуги. Оруженосец подтянул ремешки капюшона, закрывая подбородок рыцаря, поправил стальной наносник с петлей для крепления на шлеме.

– Сеньор, какой шлем возьмете?.. – спросил он у рыцаря.

Ги задумался на секунду, после чего ответил:

– Поддай-ка мне шлем деда...

Оруженосец сбегал в палатку и вернулся со старым и уже немодным коническим шлемом-шишаком. Ги надел шлем и наклонил голову, для того чтобы оруженосец закрепил стальной наносник на скобе шлема.

– Мессир Ги, – извиняющимся голосом произнес оруженосец, – уж больно шлем староват. Такие шлемы уже не в фаворе...

– Ничего. Зато в нем удобнее биться – глазам ничего не мешает. И вообще, не тебе учить меня. Этот шлем носил мой дед – покоритель альбигойцев и маршал крестового похода!

– Простите сеньор... – оруженосец побледнел и низко поклонился, – какой щит изволите подать?..

– Круглый рондаш с белым крестом поверх *катарских голубей Монсегюра*... – буркнул Ги.

Оруженосец, наученный взбучкой, промолчал и проворно сбегал за щитом, но, когда рыцарь надевал его на руку, не удержался и едва слышно пискнул:

– Как-то нелепо и безвкусно выглядит. Щит одного цвета, а сюркот и герб другого...

– Замолчи... – Ги шутливо замахнулся на него. – Зато мне так удобно...

– Воля ваша, сеньор... – обреченно вздохнул оруженосец. – Вас сопровождать?

– Нет, я поеду один. Меня ждет его светлость граф Шарль. Крикни конюшему, пусть приведет мне коня, только спокойного и надежного...

ГЛАВА VI.

Ночная схватка.

Три лье восточнее лагеря шевоше графа де Анжу. Около полуночи.

Граф, как и договаривались, уже ждал Ги возле своей палатки. Он нетерпеливо прохаживался перед ее входом, меряя землю широкими шагами. Он обрадовано замахал рукой, едва силуэт Ги показался на фоне костров, разведенных перед большим шатром графа.

– Наконец-то. А то я, признаться, стал нервничать... – Шарль улыбнулся и велел подавать коня. – С нами поедет Лука. Так всем нам спокойнее будет...

Ги удивился, но решил ни о чем не спрашивать Шарля. «Сам расскажет, когда время придет...» – решил он.

Граф запрыгнул в седло, не ставя ногу в стремя. Даже в полном вооружении и кольчуге он продемонстрировал своим оруженосцам, слугам и, прежде всего, Ги де Леви свою силу, мощь и умение. Ги с довольным видом покачал головой, оценив его мастерство, они поддали шпорами коней и поехали из лагеря в непроглядную набегающую черноту ночи. Судя по тому, что они ехали на юго-восток, Ги подумал, что графу хочется проверить его лагерь и то, как организована охрана в ночное время. Но он ошибся – граф направил своего коня в объезд и, проехав часовых, дремавших возле большого креста, стоявшего на развилке дорог, повернулся к рыцарю и сказал:

– Меня ждут гости... – он поморщился при этом. – Нежданные и незванные гости... – Ги молча пожал плечами, но ничего не ответил, только поравнял свою лошадь с конем графа, располагаясь справа от него. Шарль улыбнулся, оценив маневр своего друга, вздохнул и продолжил. – Я не хотел беспокоить других сеньоров. – Он обернулся и убедился, что Лука де Сент-Эньян немного отстал и не мог расслышать их разговор. – Сегодня ко мне подошел странный монах, который передал на словах предложение встретиться и поговорить...

– С кем поговорить? С монахом?... – не понял Ги де Леви.

– Нет, мой друг, не с ним. – Шарль поправил крепление щита, покосился на щит своего товарища и сказал. – О, ты понимаешь толк в одиночном бою. Я смотрю – ты взял круглый итальянский рондаш, чтобы не сильно стеснять движения при схватке...

– Да, он гораздо практичнее, нежели наши тарчи... – стараясь казаться равнодушным, ответил Ги.

– Вот-вот, практичнее. – Согласился с ним граф. – Ну, да ладно об этом. Я сегодня встречаюсь с Манфредом и сеньором Анибальди – его правой рукой...

Ги поежился и ответил:

– Шарло, а это, случаем, не ловушка? Вдруг...

– Никаких «вдруг», Груша... – Шарль положил руку ему на плечо. – Манфред, все-таки, рыцарь и в его жилах течет кровь Фридриха, которому, при всех его своеобразных выходках и взглядах на жизнь, нельзя было отказать в истинно рыцарских манерах...

– Дай-то Бог, Шарло... – Ги перекрестился.

Ночь набежала стремительно, погружая окрестности во тьму. Робкий полумесяц, тонкий, как ломтик хлеба у бедняка на столе, едва озарял окрестности. Звездное небо, слегка подернутое дымкой и серенькими ночными облачками, тоже не способствовало освещению. Единственной радостью, хоть как-то смягчавшей тягостные мысли, было отсутствие пронизывающего ветра и мерзких дождей, периодически налетавших на берег Прованса в это время года.

– Почему ты не надел плащ? – Спросил вдруг Шарль. – Ты же можешь схватить простуду и засопливеть...

– Зато меня никто не схватит сзади и не стеснит в движениях... – ответил Ги, поеживаясь от прохладного ветерка, залетавшего к нему за вырезы капюшона кольчуги. – Да и нет шанса зацепиться за сучки и кусты, если придется скакать по лесу...

– Эй, Лука, забери-ка и ты мой плащ! – Шарль быстрым движением расстегнул золотую фибулу, крепившую плащ на его правом плече, круговым движением намотал его на руку и бросил подъехавшему рыцарю.

– Сир, вы можете простудиться... – тихо произнес Лука, но принял плащ и, свернув его в рулон, уложил к себе на переднюю луку седла. – Ночи-то холодные, да от моря дует противный бриз...

– Отстань. Ты, словно нянька... – забурчал на него граф.

– Сир, я больше, чем нянька... – спокойным голосом ответил ему Лука. Он резко поддал шпорами своего коня и, выскакивая вперед, произнес графу и рыцарю. – Впереди гости, я услышал хруст веток под копытами их коней...

Ги потянулся, было, рукой за мечом, но Шарль скривился и сказал:

– Пока, Груша, не стоит... – он подумал немного и прибавил. – Может быть, немного попозже...

Не успел он произнести свою фразу до конца, как все услышали неприятный и пронзительный низкий вой арбалетного болта, который, словно тяжелая жужжащая пчела понесся к ним навстречу. Ги резко потянул поводья своего коня и, выскочив вперед, поднял его на дыбы, прикрывая графа Шарля от выстрела.

Тяжелый болт пробил круп коня и Ги почувствовал, что его лошадь начинает заваливаться на спину. Он инстинктивно высвободил ноги из стремян и, оттолкнувшись от седла, упал в сторону, перевернулся несколько раз, прокатившись по мокрой и грязной траве, после чего вскочил на ноги и, прикрываясь рондашем, встал перед конем графа. Он был готов защитить жизнь Шарля.

– Сир, поворачивайте коня! – Лука выкрикнул из темноты. – Это засада, сир! Уезжайте, ради всего святого!..

– Нет! – Громко ответил Шарль. – Никогда еще граф де Анжу не показывал спины своим врагам!.. – Он успел наклониться к Ги де Леви и шепнул. – Сейчас, когда они снова выстрелят, хватайся за мое седло! Мы попробуем отскочить в сторону и сразу же атакуем их...

Ги молча кивнул и в это же время снов раздался мерзкий вой арбалетных болтов. Судя по всему, враги подумали, что их противник деморализован или растерян и решили, не откладывая второй залп, а накрыть их, пользуясь моментом, пока они находились в куче. Граф резко ударил шпорами коня и повел его прыжком в сторону, уводя из-под обстрела. Ги схватился за луку седла, его ноги оторвались от земли, и он полетел за мощным графским конем.

– Атакуем их, сволочей! – закричал Шарль и поскакал в темноту держа направление на стрелявших из темноты стрелков. Ги с трудом успевал бежать за ним, цепляясь изо всех сил за седло.

Конь пролетел несколько метров и они, наконец-то, увидели врага. Четыре конных арбалетчика и два конных рыцаря прятались за жиденькими кустами акации. Теперь Ги понял, почему выстрелы не были такими меткими: стрелки произвели выстрел, находясь в седлах, а не спешившись. Их кони, по-видимому, были мало тренированы и не умели стоять неподвижно при стрельбе из седла...

Троица приблизилась к врагам и сходу атаковала их. Шарль и Лука атаковали группу арбалетчиков, стараясь сразу же уравнять численность – арбалетчики не могли долго сопротивляться профессиональным всадникам и рыцарям.

Ги отскочил в сторону и также атаковал их, напав сбоку. Так как он был пешим, у него было небольшое преимущество перед противником, который сосредоточился на всадниках и совершенно позабыл о нем. Он резким ударом пронзил низ туловища одного из арбалетчиков

и, развернувшись, подрубил передние ноги коня, на котором сидел второй противник. Тот неуклюже взмахнул руками, его конь шарахнулся в сторону и, задев третьего всадника, стал заваливаться на бок. Враги увидели пешего рыцаря. К нему подскочили два конных рыцаря и стали наносить удары по его щиту, стараясь убить столь опасного противника.

Шарль и Лука, тем временем, быстро расправились с двумя арбалетчиками и атаковали неизвестных рыцарей, но один из стрелков, по-видимому, был ранен, а не убит и успел нанести рубящий удар своим фальшоном, ранив Луку в правую руку и плечо, а заодно, вспоров брюхо его коню.

Лука де Сент-Эньян вскрикнул, выронил меч и, схватившись за плечо, стал падать на бок вместе со своим смертельно раненным конем.

Оставались два рыцаря противника, которые были в седлах, и один арбалетчик, коня которого Ги де Леви успел убить в самом начале боя.

Рыцари атаковали графа Шарля, который завертелся на коне, стараясь отразить или принять на щит удары противников, а на долю Ги выпал несчастный стрелок, который, хотя и был профессиональным наемником и убийцей, все-таки не мог сравниться в схватке на мечех с рыцарем.

Ги нанес ему удар, который тот неуклюже парировал, выдав из себя среднего по классу подготовки мечника. Ги отступил, выманивая противника, тот сделал широкий шаг вперед, пытаясь достать рыцаря мощным и длинным колющим ударом, но немного поскользнулся на мокрой траве. Ги тут же присел на одно колено и, уводя свой корпус влево, нанес скользящий удар по ногам арбалетчика, перерубая его кости, сухожилия и мышцы. Несчастный истощенно закричал и, выронив из рук длинный фальшон, стал падать на траву, хватаясь за свои перерубленные икры ног...

Графу Шарлю пришлось изрядно попотеть и понервничать, отражая в одиночку опасные атаки двух противников. То, что они были итальянцы, никаких сомнений не было – их манера атак, и вертикальные удары мечами говорили сами за себя.

– Шарло! Я бегу к тебе! Держись, брат!.. – Из глотки де Леви вылетел могучий рык его родового клича. – Леви! Леви! Щит и меч короля!..

Всадники поняли, что французы, несмотря на ранение одного из своих рыцарей, все еще представляют грозную опасность и решили отступить, бросая своих раненых арбалетчиков на поле боя. Они развернули коней и, успев нанести пару ударов по графу Шарлю, попытались ускользнуть, скрывшись в непроглядной темноте леса, но Ги де Леви успел подрубить ноги одному из коней противника. Граф Шарль, видя, что его враг, заваливается на бок вместе с конем, погнался за вторым, но тому, к счастью для него, удалось скрыться в лесу.

Упавший рыцарь успел подняться на ноги и, прикрываясь своим овальным итальянским щитом, приготовиться к защите. То, что в его намерениях не было желания сдаться на милость врагов, было очевидно по тому потоку грязных ругательств, который летел из его рта, словно вода из водопада на реке Рона возле Бокера.

– Эй, псина, сдавайся! – тяжело дыша, крикнул ему Шарль де Анжу, направляя своего коня к противнику. – Тебе уже ничего не светит!..

– Пошел вон, грязный франкский выродок!.. – коверкая французские слова, закричал окруженный противник. – Даже если ты, Шарль де Анжу, убьешь меня, на мое место встанут сотни рыцарей!..

– Ах ты, гидра хренова! – Шарль начинал злиться, он подъехал к Ги де Леви и, нагнувшись в седле, спросил. – Что будем делать с ним?..

– Свяжем и отвезем его к твоим немецким наемникам! У них, бедолаг, сейчас такой стояк, что они будут рады любой подвернувшейся им дырке! Ха-ха-ха! – Он весело, но зло, рассмеялся, стараясь вывести противника из себя. Ги заметил краем глаза, что к врагу со спины

подбирается раненый Лука де Сент-Эньян, который держит в левой руке шестопер, намереваясь оглушить противника.

– Что?!.. – завопил итальянец, приходя в неистовство от услышанных слов и обещаний грязного надругательства над ним. – Вы все проклятые содомиты, а так и!..

Он не успел договорить – Лука сзади оглушил его, ударив шестопером по шлему. Итальянский рыцарь свалился на мокрую и грязную траву, словно тяжелый куль с мукой.

Лука кое-как связал его, ведь он и сам был ранен, закрутив тому руки за спину и стянув их ремешком от крепления его щита.

– Как-то не по-рыцарски мы с ним обошлись... – Шарль снял с головы шлем, стянул кольчужный капюшон и почесал взмокшие волосы. – Эдак, нас могут объявить...

– Да ни кем вас не объявят, сир... – Лука зло перебил графа. Они первые напали на нас, нарушив условия договора о встрече!

– И, все-таки, Лука, нам надо было его обезоружить в честном поединке на мечех... – неуверенным тоном ответил Шарль, ища одобрение и поддержку своим словам в глазах Ги де Леви. – Верно, я говорю, Груша?..

– Кто его знает, Шарло... – развел руками Ги де Леви. – Я, вот, к примеру, ляпнул, с дуру, что его оттрахают в зад наши наемники. Взял, да и обидел хороших парней, приписав им страсть к содомии...

Лука, который уже не мог больше сдерживать смех, истошно заржал и, ойкнув от боли в раненом плече, произнес, едва сдерживая слезы:

– То-то я смотрел, как наш итальяшка бесится!.. – Он взялся левой рукой за раненое правое плечо.

– Тебя сильно задела?.. – Шарль наклонился над рыцарем.

– Мелочь... – Лука стиснул побелевшие от боли губы. – Жалкая царапина...

Ги в это время успел привести трех лошадей, оставшихся стоять возле тел своих убитых хозяев.

– Нам пора ехать домой. Неровен час, тот последний, что сбежал, словно заяц, приведет толпу своих дружков...

– Да-да, пожалуй, ты прав... – кивнул в ответ граф Шарль.

– Я закину вам в седло пленника, посажу мессира Луку и заберу сбрую со своего убитого коня, после чего мы вас нагоним...

– Я помогу вам, так будет быстрее... – ответил ему Шарль. – Пленника я сам закину к себе на коня. А вы, пока еще есть время, общите наемников, соберите с них все, что может понадобиться...

– Шарло! Я не мародер!.. – вспыхнул Ги де Леви.

– Глупый... – граф развел руками. – На телах могут быть какие-нибудь мелочи, ну, например, медальоны или ладанки, по виду и происхождению которых мы сможем понять, откуда они и, возможно, кто их заказчик!

– Неужели? А я и не знал... – Ги удивился тому, сколько можно разузнать по мелочам, найденным на убитых врагах...

– Давай, живее... – Шарль начинал нервничать, его охватывала нервная дрожь. Нет, он не трусил, но сильно беспокоился о последнем противнике, сумевшем скрыться в темноте ночи.

Граф забросил тяжелое и бесчувственное тело пленника, сел на коня и, поддав шпорами, поскакал к лагерю. Ги помог Луке сесть в седло, собрал оружие, арбалеты и все, что нашел на телах убитых стрелков, после чего сел на коня и, придерживая одной рукой поводья лошади, нагруженной амуницией убитых противников, спросил у Луки:

– Ты как?..

– Нормально... – ответил бледный, словно полотно, рыцарь. – Поехали, пожалуй..

Они медленно поехали к лагерю, держа курс на запад. Когда они поднялись на высокий холм, то перед ними открылась удивительная картина ночного лагеря армии графа Шарля. Множество костров, разбросанных в хаотическом беспорядке, напоминало звездное небо, невесть каким образом отразившееся на земле.

– Красиво... – Ги кивнул головой на лагерь. – Меня всегда завораживает красота ночного бивуака...

– Красиво смотреть на армию, которая располагается вокруг города, зажигает костры, охватывая его в плотное кольцо осады, словно гигантская и удивительная змея, расплзаясь по округе. – Хмурым голосом ответил Лука. – Вот только, мой друг... – он застонал.

– Что с тобой, Лука?..

Вместо ответа рыцарь стал медленно заваливаться на гриву лошади, теряя сознание от большой потери крови. Ги быстро подхватил его за плечи и, привалив к себе на грудь, медленно и осторожно повез к лагерю, который уже проснулся и всполошился, разбуженный графом Шарлем. Навстречу к ним выскочили взбудораженные люди, которые помогли снять раненого рыцаря с коня и понесли к походному лекарю, разбившему госпиталь на западном краю лагеря армии. Ги поехал вместе с ними и, убедившись, что с Лукой все в порядке, отправился к себе, чтобы переодеться и немного отдохнуть до утра...

ГЛАВА V.

Путь на Рим. Разговор с Лукой.

Дорога на Рим. 11 декабря 1265г. Полдень.

Как и обещал граф Шарль, армия выступила сразу же после утренней молитвы. Войско, словно огромная гусеница, медленно покидало пригороды Марселя и, под вздохи облегчения местных жителей, измученных наплывом огромной толпы вооруженных людей, направлялось на восток.

Ги был удивлен, когда заметил кажущееся равнодушие графа Шарля. Тот даже не обронил пары слов, лишь сухо и холодно, как показалось Ги, кивнул ему и занялся неотложными делами.

Рыцарь руководил свертыванием своего лагеря, придирчиво наблюдая за тем, как его воины укладывают имущество, когда к нему подъехал личный казначей графа Гоше де Белло и, словно извиняясь, протянул Ги де Леви увесистый кошель с вышитыми лилиями графа Шарля:

– Мессир де Леви... – спокойным, как у статуи лицом, произнес он, обращаясь к рыцарю. – Его светлость граф Шарль просил меня уладить кое-какие недоразумения, возникшие прошлой ночью, и вручает вам компенсацию за *ремонтрование*...

– Что-что?.. – Ги не расслышал тихие слова казначея.

– Его светлость просит вас принять деньги за ремонтрование. – Настоятельно повторил он. – Здесь четыреста экю, полагаю, что этого будет вполне достаточно...

Ги похрустел шейными позвонками и, нахмутив брови, посмотрел на него. Гоше немного попятился назад на своей лошади, но рыцарь улыбнулся и, приняв кошель из его рук, сказал:

– Отлично. Я ведь и забыл, что после того как прибыл в его шевоше, сразу же перешел в разряд наемников...

– В ваших словах, мессир, сквозит тень обиды. – Гоше решил успокоить рыцаря. – граф, к несчастью, был так занят всю ночь и утро, что у него просто не дошли руки до вас и до личной беседы с вами, мессир де Леви... – он положил руку себе на сердце. – Но я лично клянусь, что его светлость несколько не охладел к вам, а наоборот, преисполнен самых теплых чувств. – Ги молча улыбнулся, но сделал это с хмурым лицом. Гоше, видя, что его собеседник не верит в слова графа, добавил. – Его светлость просит вас проследовать в палатку к походному лекарю, где вас ожидает мессир де Сент-Эн्यान. Это, поверьте, очень важно...

– Хорошо, я немедля отправлюсь к нему. – Ги сухо кивнул головой и, развернувшись к своим рыцарям, крикнул. – Эй, Гуго, остаешься за меня! сворачивайте лагерь и присоединяй-

тесь к отряду мессира де Кастра! С земляками, слава Богу, куда веселее ехать, чем с этими гортанными наемниками! Я убываю к лекарю!..

Он раскланялся с казначеем Гоше де Белло, который молча пожал плечами, развернул своего коня и поскакал догонять голову колонны, где находился граф Шарль и остальные предводители шеваше.

Ги с большим трудом добрался до палаток походного лекаря, протискиваясь сквозь толпы пехотинцев и наемников, сворачивавших палатки и, по большей мере, ворующих друг у друга все, что плохо лежало или на мгновение исчезало из-под контроля их хозяев. Рискую раздавить некоторых незадачливых и уже порядком пьяных воинов, Ги, наконец, добрался до лекаря и, спрыгнув с коня, вбежал в одну из палаток, над которой слуги Луки де Сент-Эньяна уже успели поставить пеннон с его гербом.

Лука полусидел на постели, грудь, плечо и рука были забинтованы, а ноги укрыты шкурой медведя. Возле него суетились слуги и один из лекарей – высокий и прыщавый рыжий субъект с бледным лицом и большими темными кругами под глазами, который был излишне суетлив и, казалось, растерян не меньше слуг и самого раненого рыцаря.

Лука слабо кивнул головой и улыбнулся, увидев входящего к нему де Леви:

– Слава Господу, что вы, мессир, пришли ко мне... – сказал он тихим голосом, попытался приподняться, но ойкнул и снова упал на высокие подушки, побледнев от боли.

– Лежите, мессир Лука, – ответил Ги и присел подле постели раненого рыцаря. – Я не мог проигнорировать просьбу столь отважного шевалье...

– Благодарю вас, Ги, вы сделали честь для меня... – он покосился на слуг и лекаря и, немного повысив свой голос, произнес. – Так, бесово отродье, ну-ка живо из палатки!.. – Лекарь и слуги в миг испарились, оставив их наедине. Лука убедился в том, что они остались одни, после чего, стараясь меньше шевелиться, заговорил. – Мессир, насколько мне известно, вы являетесь другом детства графа Шарля... – Ги согласно кивнул головой. – Прекрасно. Мне также известно, что именно к вам прибывали специальные гонцы от короля Людовика, которые передали вам приказ монарха и некие слова, сказанные только для ваших ушей...

– Да, мессир де Сент-Эньян, все было именно так...

Лука попросил взглядом вина. Ги разлил вино в два кубка, один взял себе, а второй протянул рыцарю. Лука осторожно принял его, приподнял голову и отпил несколько глотков, после чего поставил кубок на стул, стоявший рядом с его постелью, и произнес:

– Теперь, мессир де Леви, вы становитесь «нянькой» его светлости... – он поймал недоуменный взгляд Ги и поправил себя. – По крайней мере, до момента моего выздоровления. Вы согласны?..

– Приказы сюзерена не обсуждают, а четко исполняют... – резюмировал Ги де Леви. – Я исполню волю короля Людовика и стану живым щитом для Шарло, я его так зову с детства...

– Большого я и не ожидал от вас услышать... – улыбнулся серыми губами Лука. Он снова побледнел, закрыл глаза, сделал несколько глубоких вдохов и выдохов, открыл глаза и произнес. – Вам, случаем, не интересно будет узнать, что случилось с тем итальянцем?..

– По чести сказать, мессир, мне глубоко наплевать на судьбу этого урода...

– Вот и прекрасно. Но, все-таки, я должен поставить вас в известность. – Лука снова посмотрел на вход палатки. – Граф полагает, что убийц подослал Манфред и его друг Анибальди...

– А разве это не так?.. – удивился Ги.

– Пусть граф так думает, раз ему угодно так мыслить... – Лука отрицательно покачал головой. – Я, вместо того чтобы лечиться, допрашивал полночи этого ублюдка и выяснил много интересных вещей... – он сделал знак, прося Ги придвинуться к нему ближе, и прошептал на ухо. – Нет. Убийц подослал мессир Анри де Кастиль, принц, почему-то, считает его своим другом и доверяет слишком много тайн...

Ги отшатнулся и с удивлением посмотрел на Луку.

– Надо срочно известить Шарля...

Лука положил руку ему на ладонь и сказал, глядя в глаза:

– Преждевременно. Нам надо вычислить всех предателей и двуличных тварей, кои выются возле графа... – Он снова прикрыл глаза. – Мне и самому пока не все понятно до конца. Я, пока, никак не могу понять причины предательства де Кастиля...

– Может быть, ему предложили деньги? Много... – высказал свое предположение Ги.

– Самое верное, кстати, предположение. Кастиль практически без денег, земель, да и... – внезапно, Лука засмеялся и, хлопнув себя по лбу, добавил. – Арагон! Именно, его купил Арагон...

– Зачем? Арагону-то какая выгода от всего этого?.. – Ги даже привстал от неожиданности.

– Тише... – попросил его Лука, снова посмотрел на вход палатки и произнес. – Ги, поймите, Манфред недавно выдал свою дочь Констанс замуж за *короля Арагона Педро Третьего-Нахала*...

– Ну, и что такого? Он же сам – бастард, значит, его потомство исключено... – попытался возразить Ги де Леви.

– Кем исключено? Из чего исключено? Глупости... – Лука грустно покачал головой. – Мой друг, они вполне законно могут обратиться к древним кутюмам. К примеру, к *лангобардским* кутюмам, в которых не было понятия «бастард» и где женщины также имели право на престол, пусть, конечно, призрачное, но право!..

– Значит, выходит, если мы разобьем Манфреда, а Шарль наденет в Неаполе корону Фридриха-Антихриста, на нас нападет Арагон?..

– Не уверен, что он сделает это сразу, но, будьте покойны, Педро дождетя момента или, не приведи господь, попытается сам его создать... – Лука почесал нос. – Хотя, пока жив и здравствует король Людовик, Арагон вряд ли решится, вот так открыто взять, и атаковать брата короля Франции.

– Что же мне делать? – Уточнил Ги де Леви.

– Ничего особенного. Гуляйте, отдыхайте, тратьте и транжирьте деньги, – Лука поймал настороженный взгляд рыцаря, улыбнулся и произнес. – Будете получать их у мессира де Белло, он в курсе... – он снова похлопал своей ладонью по руке Ги де Леви. – Он просто казначей денег, выданных королем Людовиком взаймы своему младшему брату, только и всего, а я отвечаю за каждый экю...

– Понял. Все сделаю. – Ответил Ги де Леви.

– Прекрасно. Еще одна просьба, к вам. Муштруйте, как проклятых, этих флорентийских рыцарей, коих граф и Гоше наймут для резерва. А лучше будет, если вы сами отберете их... – Лука попытался снова встать с постели. – Только от вас, да и от них, зависит будущее Шарля, если не сказать – его жизнь...

От всего услышанного голова могла пойти кругом и не у такого крепкого рыцаря, каким был Ги де Леви, но он стойко вынес услышанные новости, улыбнулся, встал и, поклонившись де Сент-Эньяну, покинул палатку. Лука ничего не сказал, лишь проводил его взглядом...

Армия, тем временем, уже покинула лагерь, оставив в нем части тылового обеспечения, которыми громогласно руководил пожилой Филипп де Кастр. Его громкие ругательства, подзатыльники и пинки, которые он раздавал направо и налево, подгоняя расслабившихся пехотинцев и наемников, были слышны издали. Ги улыбнулся и, поддав шпорами своего коня, поскакал нагонять авангард армии, успевший удалиться на несколько лье от лагеря...

Граница Прованса и Тосканы. За три часа до описываемых событий.

– Не надо делать такое испуганное лицо, синьор Энрико... – Манфред, казалось, упивался растерянным и бледным видом молодого испанского гранда. – Мало ли чего вам почудится...

– Но, дон Манфред, – Анри де Кастиль, это был он, нервно сжал поводья своего гнедого жеребца. – Вы же сами сказали, что засада провалилась, мало того, один из наемников схвачен, а судьба остальных неизвестна!..

– Ну и что... – Манфред широко осклабился и, подперев одной рукой свой бок, засмеялся. – Даже, мой друг, если он и проговорится, в чем я сильно сомневаюсь, граф Карлито все равно не поверит услышанному! Он же, насколько мне известно, считает вас своим близким другом. Не так ли, синьор Энрико?.. – Манфред уже не хотел сдерживать свой злой смех.

– Неужели, дон Манфред, вы не понимаете, что этим поступком вы компрометируете Арагон и его короля?! – Истерично завопил Анри. Он нервно ударил шпорами своего коня, который заходил ходуном под ним, выбивая комья земли и кружась на месте, словно укушенный пчелой. – Вам, что, приятно стравить, помимо своей войны с графом Шарлем, еще и Францию с Арагоном?..

– Да плевать на твою Францию, на твой Арагон и на весь мир! – Загремел голос Манфреда, которому надоело слушать вопли юноши-предателя. – Пускай весь мир перегрызется, лишь бы мне сохранить корону Неаполя и Сицилии!!.. – Он окинул уничтожающим взглядом Анри. – Уж кому-кому, а не тебе, грязный предатель, печься об Арагоне! Ты, поди-ка, не побоялся Господа, взял, да и предал своего дружка Карлито, свою родину Кастилию, свою новую родину Францию, которая озолотила и пригрела тебя, переметнулся к их исконному врагу! Ты, мой друг, просто мразь, да и только...

– Как вы смеете! – Покраснел Анри.

– Смею, Энрико, смею... – спокойным тоном, но с едкой улыбкой, ответил ему Манфред. – И давай-ка, пожалуйста, без соплей и бабских слез!!! Ты по уши увяз во всем этом дерьме...

– Что же мне делать?.. – растерянно произнес Анри де Кастиль.

– То же, что и раньше... – Манфред зло улыбнулся. – Тащить Карлито к своей смерти. Пускай втянется в пределы Неаполитанского королевства...

– Господи... – пролепетал Анри, схватившись за сердце.

– Поздно к Господу обращаться, иуда... – засмеялся Манфред, развернул своего рыжего скакуна и понесся на запад...

– Иуда... – закрыв лицо руками, прошептал Анри де Кастиль. – Иуда. Иуда. Иуда...

Манфред отъехал пару лье от места встречи, поравнялся с большим крестом, стоявшим возле развилки дорог, и трижды свистнул.

Из леса выехал небольшой, но отлично вооруженный отряд рыцарей, во главе которого ехал широкоплечий всадник, и направился к нему.

– Как прошла беседа с нашим «птенчиком»? – Улыбнувшись, спросил Манфреда Анибальди. – Небось, сопли по рукаву размазывал?..

– Размазывал... – кивнул головой Манфред. – Ему теперь, Иуде, деваться некуда...

– Отчего же, некуда... – возразил Анибальди. – Повеситься, к примеру, или утопиться...

– Или взять, да и повиниться перед графом Карлито... – мрачно заметил Манфред.

Анибальди вздрогнул, побледнел, но собрался и ответил:

– Скорее рак на горе свистнет, чем наш Энрико покается и преодолет свою природную трусость! Нет! Он, с упрямством барана, потащит армию Шарля прямо к преисподнюю, которую мы ему приготовим летом следующего года!!!

– Ты полагаешь, что Карлито не решится начать войну зимой? С чего ты так решил?.. – Манфред оживился. – Есть четкие сведения?..

– Да какие, к черту, сведения! – Отмахнулся Анибальди. – Ты только послушай меня, Манфред! Карлито, как ты его любишь называть, все-таки, рыцарь, да и француз. Он воспитан и впитал с молоком матери основные принципы войны, а они четко гласят, что война ведется только поздней весной, летом и ранней осенью! То есть тогда, когда на полях есть трава и, позд-

нее, фураж для прокорма лошадей!.. – Он подбоченился и гордо посмотрел на Манфреда. – У нас есть еще уйма времени, чтобы подготовить крепости, нанять немецких и швейцарских наемников, взбудоражить север Италии...

– Дай-то Бог... – Манфред недоверчиво пробубнил себе под нос. – Кто возглавил охрану Шарля?..

– Некий Ги де Монсегюр по прозвищу «Груша». – пожал плечами Анибальди. – А что такое?..

– Что он за человек? – Встревожился король.

– Так, один из приятелей детства. Жил в глуши. Где-то в Окситании, если не ошибаюсь. Больше ничего не могу о нем сказать, кроме того, что он участвовал, правда, юношей, в осаде и покорении последнего катарского оплота на юге Франции. – Анибальди вспомнил что-то, засмеялся и хлопнул себя по лбу. – Чуть не забыл! Он внук маршала де Ла Фо – соратника великого де Монфора – покорителя альбигойцев!..

– Это, мой друг, уже что-то... – Манфред задумался, подперев подбородок кулаком. – Давай-ка, Анибальди, запускай свою похотливую сестричку и ее «прелестниц»...

– Зачем?...

– Против «сладкой ловушки» еще никто не смог удержаться...

ГЛАВА VI.

Встреча на дороге.

Как-то незаметно и, можно сказать, обыденно на плечи Ги де Леви, помимо задачи найма во Флоренции закованных в железо наемников-рыцарей, свалились и задачи по общей разведке.

Дни и ночи напролет, пока его рыцари вместе с казначеем Гоше де Белло и вице-маршалом Адамом де Фурром торчали во Флоренции, придирчиво отсеивая приехавших на просмотр рыцарей, Ги де Леви во главе небольшой группы рыцарей-гвельфов прочесывал окрестности Перуджи в поисках диверсионных или разведывательных отрядов Манфреда. Этих вольных, даже анархичных итальянских сеньоров, набранных из местных, выделяло, пожалуй, только одно. Они ненавидели все, что было связано с именем Фридриха и германских королей из династии Гогенштауфенов. Естественно, Ги прекрасно понимал, что они временные союзники и, после завоевания Неаполя и разгрома потомков покойного вольнодумного императора сразу же оставят их и, напоследок, наверняка выкинут какой-нибудь фокус. Что-то наподобие мелкого бунта или, того хуже, попытки взбудоражить всю Южную Италию.

Но пока это не произошло, итальянцы успели зарекомендовать как довольно-таки организованная, хотя и чересчур шумная компания. Здесь надо немного отступить назад и оговориться: имя де Монсегюр уже успело долететь до самых отдаленных уголков Италии и сыграло на руку Ги. Итальянцы молча кивали головами и, вечно бурча что-то себе под нос, тем не менее, выполняли приказания своего французского предводителя, прозываемого на итальянский манер «кондотьере»...

Минуты относительного затишья Ги, как и просил раненый Лука де Сент-Эньян, проводил в шумных компаниях, образовавшихся вокруг графа Шарля. Он неистово кутил, транжира, правда с оглядкой на Луку, деньги и вскоре заслужил всеобщее расположение знатных сеньоров. Об их совместных выходах в бордели начали слагать легенды, а слухи об исполинской мощи красивого француза уже успели долететь до ушей большинства итальянских красавиц, в том числе и благородного происхождения. О гулящих девках можно умолчать – и так все ясно. Они просто штурмовали бивуаки, стоило им прослышать о прибытии богатого и щедрого на экю и ласки франка...

Все эти «подвиги», честно говоря, успели осточертеть нашему герою, но он «мужественно» крепился и исправно доигрывал свою роль.

В его большой компании был и Анри де Кастиль, с которым Ги старался настойчиво подружиться. Анри тянулся к этому богатому, расточительному и, как ему казалось, болтливому рыцарю, хотя и ощущал где-то в самой глубине своей души небольшой холодок опасения. Словно антилопа, пробегающая мимо мирно спящего льва. Неизвестно, когда же он проснется, но то, что он проснется – никаких сомнений не было. Что-то опасное сквозило от Ги де Леви, и Анри, в конце концов, приписал свой внутренний страх отважному и бравому виду этого полугрубьяна, позволив себе расслабиться... Ги, в свою очередь, стал более внимательно присматриваться к Анри, но пока ничего странного или подозрительного в его поведении не находил.

Рождество армия провела под Римом. Граф Шарль был со всеми немислимыми атрибутами помазан на царство, папа Римский Климент, стоя на вершине лестницы храма Святого Петра (наконец-то он дождался этого!), на весь мир объявил отлучение вероломного и еретичного Манфреда, опекуна юного Конрадина, от церкви, а земли, некогда входившие в состав королевства Обеих Сицилий, добычей графа Шарля де Анжу и де Провен. Рыцари встретили это известие громкие криками радости, а наемники, составлявшие львиную долю армии, попытались, на радостях, устроить небольшой погром в Риме и его окрестностях. Но граф, теперь уже король, сурово подавил их выходку, заставив говорить о себе, как о новом диктаторе.

Но Ги де Леви был далек от всего этого. Далек, как в прямом, так и в переносном смысле. Он с рейдовой группой рыскал по северной Италии, настигая и уничтожая очаги сопротивления, разбросанные Манфредом в надежде, что французы увязнут в этой трясине, называемой партизанской войной...

Вынужденное безделье, воцарившееся при дворе новоиспеченного короля, тяготило Ги де Леви. Он с большим трудом уговорил Шарля де Анжу позволить ему самому отобрать первую часть флорентийских рыцарей и тот после недолгих колебаний (спасибо Луке де Сент-Эньяну) разрешил своему другу детства уехать.

Отобрав первые полторы сотни наемников, Ги де Леви решил сразу же их проверить в настоящем деле и вывел для рейдовой работы, буквально изматывая ежедневными маршами и погонями, направленными против сторонников Манфреда.

Наемники не разочаровали его и вскоре они захватили один замок, стоявший южнее Рима на расстоянии тридцати миль, что позволило сделать из него форпост обороны и основную базу нового отряда.

Сказать, что они захватили замок, было бы немного нечестно. Хозяин замка – сторонник Манфреда и гибеллин в пятом поколении просто-напросто бросил укрепление, слуг и половину имущества, увезя с собой все продовольствие, оружие и захватив гарнизон. Слуг, за ненадобностью, он просто оставил в замке, только одних женщин, девушек и старух, не забыв увести всех мужчин в качестве ополченцев.

Ги осмотрел замок и разумно решил расположиться именно в нем. Глубокий и широкий ров, сдвоенная надвратная башня с подъемным мостом и решеткой, крепкие куртины, высокие башни, большой донжон с примыкавшим к нему жилым домом и двухэтажным каменным строением, сочетавшем в себе кухню и склады, теплые конюшни – вот все, что еще надо рыцарю, чтобы ощущать себя в относительной безопасности.

Рыцари придирчиво опросили всех служанок, прогнали человек пять, но остальных оставили для обеспечения нормального быта. Увидев своего нового хозяина и поняв, что он довольно-таки миролюбив и спокоен к слугам, женщины успокоились и даже успели полюбить своего немногословного и малотребовательного, но пунктуального и обстоятельного сеньора. К концу третьего дня некоторые из особо шустрых и разбитных служанок уже успели завести себе любовников из числа флорентийцев, а одна из служанок господского дома буквально по уши влюбилась в Ги де Леви, встречая и провожая его томными взглядами, вздохами и всем своим поведением давала понять, что совершенно не против, если рыцарь позволит себе минутную слабость и...

Но Ги де Леви с головой погрузился в эти нескончаемые погони, засады, ловушки, из которых он каким-то чудом выбирался, распространяя вокруг себя ореол неуязвимости и невысказанной везучести. Знать армии косилась на рыцаря, который бросил их «на произвол судьбы» в Риме и унесся сломя голову громить очаги сопротивления, но постепенно и эти ворчания утихли, предоставляя Ги самому себе...

Письма из дома приходили нерегулярно, с большими задержками, или вовсе терялись где-нибудь на полпути между Мирпуа и Римом, Ги скучал и, чтобы бороться с ностальгией, все глубже и глубже увязал в работе...

Замок Арче. 10 января 1266г.

– Мне он уже порядком надоел... – Манфред нервно бросил большой серебряный кубок на каменные плиты комнаты донжона замка Арче. – Анибальди, сколько мне раз надо повторять тебе...

Анибальди спокойно отложил свой кубок, с грустью покосился на дымящийся кусок говядины, приготовленной с чесноком и специями, от аромата которых у него начинали течь слюнки и побаливать голова в висках и под глазами. Он не ел почти сутки, уводя от погони и обложенных французами северных замков имущество, вооружение и деньги, столь необходимые для продолжения войны.

– Синьор, ради всего святого... – взмолился он. – Дайте хотя бы кусок откусить, а уж потом трясите меня, словно грушу!..

– Я о нем тебе и втолковываю, дурья твоя голова! – Манфред начинал закипать, нервно комкая руками салфетки, вырезанные из выбеленной холстины. – Это Груша де Леви меня измотал! Пять караванов с оружием, три конвоя с провизией... – он стал загибать свои пальцы, все еще жирные от подливки и мяса. – Еще месяц или два, и я точно не смогу продолжать сопротивление...

– Синьор, только, прошу вас, не надо прибедняться при мне! Я, простите за нескромность, не ел со вчерашнего дня. А с «Грушей» вашим, клянусь, я уже все обговорил со своей сестрицей Лукрецией. Поверьте, синьор Манфред, она уже выслеживает вашего птенчика... – он весело рассмеялся, поняв, что Манфред успокаивается.

Местечко Сан-Жеронимо близ Равенны. 15 января 1266г.

Колонна всадников осторожно ехала по грязной лесной дороге, раскисшей от не прекращавшихся ни один день мерзких, мелких и морозящих дождей, сопровождавшихся резкими порывами пронизывающего северного ветра, несшего от Альп звенящий холод.

Ги де Леви ехал во главе колонны флорентийских рыцарей, которых он собственноручно отобрал, отказав остальным искателям приключений. Отряд был небольшой, всего лишь сто двадцать человек, но это была грозная и реальная сила, ведь у каждого флорентийца-наемника было по два слуги: оруженосец и конюх, каждый из которых был превосходным *кутилье*, что увеличивало ударную мощь отряда втрое.

Такой придирчивый отбор был нужен, прежде всего потому, что Ги решил тратить королевские деньги исключительно на опытных и прекрасно вооруженных рыцарей, оставляя решение по остальным наемникам на совесть Гоше де Белло и вице-маршала Адама де Фурра. Этой неразлучной паре помощников графа Шарля он обстоятельно и дотошно объяснил суть своих требований и условий найма, напомнив, прежде всего, о том, чтобы наемники были опытными рыцарями, имели опытных слуг и надежных коней...

Разведка – двадцать рыцарей уехала немного вперед, опережая основные силы отряда на четыре полета арбалетного болта. Всадники шли налегке, решив не сильно загружать своих коней поклажей, а оставив все в лагере армии, расположившемся в полу-лье от Равенны.

Ги плотнее надвинул на шлем меховой капюшон, укрываясь от резкого порыва ледяного ветра, поправил плащ, меховая подбивка которого уже успела изрядно намокнуть и давила на плечи свинцовым грузом, подтянул поводья и стал, стараясь убить время, насвистывать под

нос какую-то мелодию. Он уже и забыл, где и когда он услышал ее, но всякий раз, когда он расслаблялся и вспоминал о родном доме, жене и детишках, эта мелодия возникала в его голове и крутилась, создавая приятный и расслабляющий фон.

Рыцари ехали плотным строем в колонну по четыре. Края колонны составляли оруженосцы и конюхи, ошестинившиеся тарчами и рондашами и вооруженные арбалетами.

Такое построение колонны позволяло сходу контратаковать противника и, сохранив рыцарей, обеспечить мощный ответный удар тяжеловооруженной конницей.

Внезапно раздавшийся условленный свист прервал мечтания рыцаря. Ги поднял голову и увидел одного из всадников, посланного в авангард разведки.

– Синьор кондотьере! – Юный оруженосец одного из флорентийских рыцарей был взволнован, а его дыхание прерывистым. – Примерно в полу-лье от вас какие-то разбойники грабят колонну повозок!

– Неужели, мой юный друг, из-за такой мелочи ты решил вызывать основные силы отряда? А если это засада, где только и ждут момента, когда мы попадем в ловушку под перекрестный огонь?..

– Синьор кондотьере, там монахини!.. – испуганно ответил оруженосец – юноша лет двадцати.

– С этого и следовало начинать... – Ги сбросил с головы капюшон, приподнялся на стременах и, высоко подняв ланс над головой, крикнул, смешивая итальянские и французские слова. – Эй, *ragazzi! Avanti tutta!* Какие-то мерзавцы напали на несчастных монахинь!

Отряд рванулся вперед, устремляясь навстречу с подлыми безбожниками, решившими напасть на беззащитных служительниц Господа. Конь, на котором восседал Ги де Леви, тремя мощными прыжками разогнался и, вынеся своего всадника в голову колонны, понес по грязной и извилистой лесной дороге.

Через несколько поворотов показалась большая поляна, на которой группа конных разбойников окружила четыре дормеза с истошно вопящими женщинами. Ги крикнул, указывая рукой на повозки, и, поддав шпорами коня, поскакал к ним, увлекая за собой всю массу рыцарей. Огромная железная лавина, ошестинившись копьями и оглушая тишину зимнего леса боевыми криками, устремилась на бандитов. Их главарь, увидев вылетающих из-за поворота всадников, что-то крикнул своим товарищам, которые тут же прекратили разбой и, побросав пожитки монахинь, устремились кто куда, стараясь скрыться в непролазной лесной чаще...

Часть флорентийских рыцарей попыталась их нагнать, но разбойники, знавшие все местные тропки-дорожки, сумели скрыться от погони.

Подъехал к большому дормезу, возле которого валялись трое вооруженных слуг, по видимому, убитых разбойниками при нападении. Их нелепые позы и оружие, валявшееся в грязи возле тел, представили рыцарю всю картину нападения. Выскочив из скрытых возле дороги засад, разбойники сразу же убили из арбалетов возничих и, резким рывком напали на дормезы, поубивав незадачливых слуг, пытавшихся охранять монахинь.

Ги слез с коня и обошел повозки, возле которых валялись остальные вооруженные конвоиры. Везде картина повторилась. Он слышал приглушенные всхлипывания монахинь, боявшихся высунуться из повозок и полагавших, что теперь они стали жертвой очередных грабителей, отбивших их у предыдущих бандитов.

Рыцарь огляделся и убедился, что первый дормез, возле которого он слез с коня, по всей видимости принадлежал главной из монахинь, ехавших куда-то, скорее всего на богомолье или в другой монастырь. Он вернулся к нему и, осторожно постучав в дверь дормеза, услышал тихий плач женщины, но такой приятный и мелодичный, что у него всколыхнулось сердце. Ги тряхнул головой, отгоняя от себя бесовские мысли. Это был голос монахини – служанки церкви и было бы полнейшим грехом и богохульством даже думать о греховном в ее присутствии.

Он выдохнул и тихо произнес, стараясь придать своему голосу наиболее мягкие и вежливые интонации:

– Сударыня... – он вдруг поймал себя на мысли, что не может сообразить, как обращаться к ней. – Сестрица, не бойтесь! Мы не разбойники! Мы воины его величества Шарля де Анжу и де Провен, короля Неаполя Божьей милостью и волей папы Римского! Я мессир Ги де Монсегюр – командир флорентийских рыцарей...

Плачь прекратился, в дормезе послышалось какое-то едва уловимое движение, дверца осторожно приоткрылась и из-за неё выглянуло лицо монахини с растрепанными волосами цвета спелой пшеницы. Прекрасные длинные волнистые волосы монахини ниспадали па черно-белое одеяние *кармелитки*, придавая ей какой-то неземной вид.

Ги даже отшатнулся, не в силах совладать с впечатлением, которое произвел на него прекрасный вид монахини. Он судорожно сглотнул – в горле пересохло от волнения, перекрестился и, упав коленями в грязь, опустил голову и произнес:

– Простите, сестра...

Монахиня осторожно, боясь испачкать свои ноги, вышла из дормеза и, подойдя к коленам преклоненному рыцарю, тихим и невероятно соблазнительным и мелодичным голосом произнесла:

– Как мне отблагодарить вас, мой великодушный и благородный спаситель? Я буду ежедневно до скончания своей бренной жизни молиться о вас, синьор кондотьере де Монсегюр, ведь вас так зовут? Я не ошиблась в произношении вашего имени, шевалье?..

Ее прекрасный голос буквально обволакивал сердце, голову и душу рыцаря, кружил голову и дурманил. Ги снова потрянул головой, стащил с головы большой и тяжелый шлем, отдаленно напоминавший перевернутое ведро с множеством щелей и большим вырезом в виде креста окованного позолотой. Он остался в *шлеме-сервильере*. Это небольшой конический шлем с прикрепленной к нему кольчужной бармицей и стальным наносником, который крепился на скобе прямо над переносицей. Ги отстегнул наносник и стащил с себя сервильер, а заодно и чепец, и остался на коленях пред монахиней с непокрытой головой.

– Моя имя Беатрис... – тихо и томно произнесла она, коснувшись рукой его вспотевших волос. – Мы направлялись на богомолье в Мон-Сен-Мишель, что в Нормандии...

– Боже мой, это же далеко на северо-западе! – Восхитился рыцарь. – Как же вы собирались доехать туда, ведь вся Италия охвачена войной?!..

– Мы разумно положились на Божье провидение и защиту... – Ги снова услышал этот голос, похожий на нежные звуки арфы. – Вот и сейчас, синьор кондотьере, Господь защитил нас, вручив в ваши руки... – она стала сходить из дормеза на грязную землю и, стараясь не запачкать себе одеяние, немного приподняла подол, но сделала это как-то стеснительно и неумело, обнажив длинную и стройную ножку в тонком шерстяном чулке...

Ги снова сглотнул слюну и проклял себя в душе, коря за появление соблазна.

– Сестрица, вы можете располагать мною и моими воинами. Мы сопроводим вас до границы с Провансом, где передадим в руки пограничной стражи его величества Шарля де Анжу...

– Ах, благодарю вас, кондотьере... – снова этот чарующий голос!

Ги потрянул головой, словно ретивый жеребец и ответил:

– Пока оруженосцы и конюшие приводят в порядок и осматривают дормезы вашего богомолья, я прошу вас выбрать одного из моих коней, ибо неприлично стоять на холоде и грязи...

Монахиня, как ему на миг показалось, хищно улыбнулась и, томно опустив свои длинные и густые ресницы, ответила:

– Господь возблагодарит вас за заботу и доброту, оказанную его скромным служителям... – она бегло осмотрела лошадей и, снова опустив глаза, произнесла. – Кондотьере! Но, простите меня, у ваших коней мужские седла...

Ги хлопнул себя по лбу. Он, обескураженный внезапной встречей, голосом и красотой незнакомки, совершенно упустил из памяти этот нюанс.

– Простите, сестрица... – густо покраснев, пробормотал он неуклюжее оправдание.

Она мило улыбнулась, обнажив ровные ряды роскошных мелких жемчужных зубов, совершенно случайно провела своим маленьким розовым язычком по пухлым, как у ребенка, губам и ответила:

– Не могли бы вы, синьор, посадить меня к себе в седло на колени... – она снова бросила на рыцаря обжигающий взгляд, смешавший все в душе воина. – Я ужасно устала и боюсь одиночества...

Ги разинул рот от неожиданности.

– Удобно ли... – засомневался он. – Ехать на коленях у рыцаря...

– Полагаю, что это будет не сильный грех, если благородная девица, готовящаяся принять постриг, немного проедет на коленях у рыцаря, который служит в армии, благословленной самим его святейшеством... – она посмотрела таким невинным взглядом, что Ги сразу же согласился и, отбросив все сомнения, кивнул головой. Беатрис улыбнулась и, как бы совершенно, случайно провела рукой по своим роскошным волосам, словно поправляя их. – Вы, как борец с безбожниками и покровителями безбожников, приравниваетесь к крестоносцу – вооруженному паломнику. У нас с вами, синьор, очень много общего...

Её певучий итальянский акцент кружил голову рыцарю. Словно в полузабытьи, Ги сел на коня и, протянул руку прекрасной девушке, пролепетав что-то невнятное себе под нос. Она на удивление проворно взобралась и уселась к нему на колени, потупила взгляд и расправила свои пышные юбки, прикрывая колени и ноги. Ги покраснел. Беатрис несколько раз пошевелила попой, устраиваясь поудобнее на коленях рыцаря. Ги с трудом сдерживал воздух в себе, ведь от этих шевелений вся его мужская сущность поднялась и напряглась.

Беатрис даже глазом не повела, словно и не почувствовала этого. Рыцарь облегченно вздохнул и, осторожно приподняв ее, немного пересадил.

– Ой, мне так неудобно и больно... – прошептала, смущенно покраснев, она.

Ги решил, что надо поскорее покинуть поляну, он повернул голову и крикнул своим воинам:

– Отходим к основной базе! Заберите монахинь и, по возможности, почините их дормезы! Гвидо!!.. – он обратился к крепкому рыцарю сорока лет. – Вы останетесь здесь и организуете все работы. Можете взять с собой полсотни рыцарей!..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.